

Михаил ХАНУХ

СМЕРТЬ
НЕМЕЦКИМ
ЗАХВАТЧИКАМ

ЫСКИЙ
ВЫЙ ПОЛК

*Кавалер полного
Банта Славы*

Михаил Ханух

**Кавалер
полного Банта
Славы**

Документальная повесть
о кавалере трёх орденов Славы,
Герое Социалистического Труда,
знаменитом председателе колхоза,
созданного евреями-переселенцами
под Биробиджаном,

**Владимире (Фавле) Израилевиче
Пеллере**

Иерусалим 2001

Ханух М. Кавалер полного Банта Славы.

В СССР мы были осведомлены, что «из одного металла льют медаль за бой, медаль за труд». Между тем «золотого созвездия героев» — обладателей двух золотых звёзд: Героя Советского Союза и Героя Социалистического Труда — в стране Советов можно было перечесть по пальцам. Что же до удостоенных «полного Банта Славы» — всех трёх звёздных орденов Славы — и золотой звезды Героя Социалистического Труда, то их, насколько удалось выяснить автору этой документальной повести, кроме Владимира Израилевича Пеллера, получается, что и вовсе нет.

Судьба подарила Михаилу Хануху 16 лет искренней, душевной, однако и не совсем безоблачной, дружбы с героем повести. Пеллер был человеком отчаянного мужества, невообразимой отваги и... легко ранимого сердца. Взрывной характер не прибавлял ему дней благоденствия. Демобилизованный с войны командир разведроты не переставал воевать на трудовом фронте. Безоглядно, неистово дрался он с окостенелой, разлагающейся партбюрократией. И, принятый в партию в 43-м на Курской дуге, был дважды исключён из неё «тыловыми крысами». От третьего публичного акта партийного ostracism спас его мужественный и порядочный человек.

Владимир Израилевич был начисто лишён вируса ксенофобии. Но малейшее поползновение задеть его собственное национальное достоинство повергало Пеллера в иступление. Он часто ошибался в людях, мучительно страдал от предательства. Но продолжал безоглядно верить в человеческое достоинство.

© Все права принадлежат автору

Компьютерный набор – Лидия Любина
Корректор – Софа Зини

Издательство ЛИРА. Jerusalem – 2001.
Tel/fax 972-2-6412690

Printed in Israel

Вообще-то она нарушила наш негласный уговор. Предвидя подобное развитие событий на правлении колхоза, я посоветовал овощеводам в заявлениях на аван указывать любые причины – покупку телевизора, тёлки, ремонт дома. Но ни под каким видом не упоминать о предстоящем отъезде в санаторий. С Ароном Раком, бригадиром Валдгеймской бригады, в чьём подчинении находились овощеводы, у меня была на этот счёт приватная договорённость.

– Кто-о? – на вскрике переспрашивает Пеллер и лицо его, мгновенно ставшее злым и капризным, пошло пятнами. – Какой ещё такой председатель? В колхозе есть один председатель. И это я. Или я неправильно говорю? – Владимир Израилевич оглядывает потупившихся членов правления. Между прочим, прежде чем мою кандидатуру на должность освобождённого (чтобы какую-то зарплату платить) председателя профкома выносить на общее собрание колхоза, Пеллер заручился единогласной поддержкой членов правления.

– А ты, – скосил на меня укоризненный взгляд Владимир Израилевич, – ты в колхозе портной. Пока ещё портной.

«Портными» Пеллер именовал различной популяции уполномоченных, рекрутируемых райкома-ми-обкомами из партхозактива на сельскохозяйственные кампании – уборочную, посевную, заготовку кормов, зимовку скота.

Проглотив обиду, я тем не менее счёл своим долгом прояснить ситуацию.

– Насчёт «портного», Владимир Израилевич, извините. За почти год в колхозе я прошёл курс обучения...

– И с этим курсом, – оборвал меня Пеллер, – ты додумался отпускать лучших овощеводов в самый пожар уборочной на полях?..

Председатель всегда прав

– Всё, увольняю тебя с писателей, будешь теперь рядовой колхозник. – Пеллеру не без труда удаётся задать примирительному разговору шутиливо-напыщенный тон.

– И вас не будет мучить совесть, что отнимаете кусок чёрствого хлеба у отца семейства? – Вижу, Владимир Израилевич рад, что подыгрываю ему.

Прошло около недели с того нервного заседания правления колхоза. Пеллер, поостыв, уже на другой день заговаривал со мной так, словно между нами не пробежала чёрная кошка. А я никак не мог подавить в себе обиду, тяжело переживал конфликт.

Разгорелся сыр-бор изординарной ситуации. На правах председателя профсоюзного комитета колхоза я наделил инициативно добытыми санаторными путёвками трёх женщин – старейших овощеводов колхоза, в жизни своей не видевших заурядного дома отдыха. По мысли председателя колхоза, я превысил свои полномочия.

– Кто в пик нагрузки уборочной овощей отпускает на курорт лучших кадров колхоза? – взрывается Пеллер. Вопрос адресуется, без сомнения, мне, но меня опережает звеньевая овощеводов, заявление которой на предмет выдачи аванса обсуждает правление.

– Председатель профкома, – потерянно оправдывается звеньевая. Нарядный шерстяной платок, надетый для публики, сполз с поседевшей головы, и длинными тяжёлыми мужскими руками мнёт она его, виновато посматривая на меня.

– Именно так, – подтвердил я. – Именно потому, что уже не «портной». В разгар уборочной на колхоз работает пол-Биробиджана – текстильщицы, швей-мотористки, парикмахеры, бухгалтеры. А наши овощеводы сидят на ящичной таре и командуют: «Сюда сыпьте зелёные, туда – бурые, а совсем красные в тую тару». На эту ответственную работу можно поставить пенсионеров.

Члены правления конечно же понимали, что прав я, но наперебой стали кричать, что прав председатель, требующий на ответственный период работ мобилизовать всех колхозников. А главным аргументом их было: Пеллер всегда прав.

Я затаил обиду и по окончании заседания правления не стал дожидаться Владимира Израилевича, чтобы вместе направиться в его дом и расслабиться – принять «по граммочке». Пили действительно мало, главным образом разговаривали. Мне тем более следовало держать форму, чтобы запомнить всё важное из разговора и, придя домой, записать в дневник.

Первые четыре месяца пребывания в колхозе я жил на квартире Пеллера – это было одним из условий «перевоспложения» журналиста в колхозника. Владимир Израилевич выделил нам с женой просторную солнечную комнату и поставил на довольствие. Поскольку о плате за пропитание Пеллер слушать не пожелал, мы с Ниной ухитрились по поводу и без повода делать подарки членам председательского семейства. И всё же мучились сознанием, что пребываем в положении нахлебников. И как только подвернулся случай – освободилась квартира в колхозном доме, уговорили Пеллера предоставить нам собственное жильё. Владимир Израилевич удовлетворился моим обещанием навещать его. И вот после злополучного заседания правления я стал избегать ставших почти

ритуальными ежевечерних посещений радушного и хлебосольного пеллеровского дома.

Войдя в памятный «вечер примирения» в кабинет, который я делил с секретарём комитета комсомола, Владимир Израилевич осведомился насчёт моего соседа. Я ответил, что комсомольский вожак в Хабаровске на семинаре.

Пеллер присел на «комсомольский» стол и укоризненно прищурился: «Пацан – обиделся на старика». «Пацана» и «старика» разделяли шестнадцать лет. Я встал из-за стола и виновато улыбнулся. И тогда Пеллер произнёс эту «угрозу»: «Всё, увольняю тебя с писателей, будешь теперь рядовой колхозник». И прижал меня к себе железной рукой богатырски сильного человека.

По дороге к председательскому дому я вдруг вспомнил: «Владимир Израилевич, а ведь вы уже два раза увольняли меня из писателей. И последний раз перед самым Новым годом».

– Но ты же исправился, перестал обходить мой дом.

– А почему только из писателей, а не из колхоза?

– А чтоб не платить выходное пособие. Ты же сам говорил, что писателям зарплату не платят.

В этой пеллеровской шутке «не платить выходное пособие» – одно из проявлений «загадочного» характера Владимира Израилевича. Он мог, не раздумывая, поделиться последним куском хлеба (так с ним не раз и было: и в запасном полку перед отправкой на фронт, и непосредственно на передовой), но скупердяйски трясся над каждой колхозной копейкой. На правлении колхоза Пеллер назначил мне зарплату 132 рубля. По тем временам – ноябрь 1968 года – это были очень скромные деньги. Он бы и секретарю парткома платил не больше, но зарплату партийного вожака определяли установки обкома.

Выпьем за знакомство

А первая наша с Владимиром Израилевичем встреча состоялась весной 1960 года.

В стране Советов по велению партии случилась коронация «царицы полей» кукурузы. Народу было дозволено одобрить кукурузную революцию мало того, что «единодушно», так ещё «целиком и полностью». «Еретикам» в таких случаях грозил всенародный остракизм.

В один из ранневесенних дней вышеозначенного года в группе студентов факультета журналистики я оказался на инструктивном совещании в сельхозотделе Хабаровского крайкома КПСС.

Партия, краевой комитет, на взволнованной ноте возвещал завоцелом, оказывает вам высокое доверие. После прохождения краткосрочных курсов будете вы направлены в колхозы и совхозы края уполномоченными краевого комитета партии по посадке кукурузы квадратно-гнездовым методом с диагональным переносчиком мерной проволоки... Этот метод, по-видимому, был головокружительным взлётом инженерной мысли конструкторов советских сельхозмашин – возможно, самых худших, зато самых многочисленных.

Мы с моим однокашником и другом Сашей Морозовым недоумённо переглянулись: не много ли чести скромным нашим персонам? Но торжест-

венно воодушевлённый заботделом неотложно развеял наши сомнения.

– Мы не случайно остановили свой выбор именно на студентах-журналистах, – звучало с партийной трибуны. – Таким образом мы решаем двуединую задачу. Вам предоставляется возможность не только непосредственно участвовать в практическом внедрении прогрессивного метода возделывания кукурузы, но и впоследствии широко пропагандировать его в партийно-советской печати.

Отказываться от «высокого доверия» в советском социуме как-то было не принято, и по окончании совещания-инструктажа нас повезли в Дальневосточный НИИ сельского хозяйства. Там на хоздворе «уполномоченных» ожидали уже инженеры института.

«Краткосрочные» курсы заняли меньше двух часов, и со смутным представлением о «технике переналаживания посевных агрегатов» мы были отпущены на волю. Единственное, что за время «курсов» удалось втемяшить нам, так это то, что инженерная эта «матата» предназначена обеспечить возможность обрабатывать посевы кукурузы как вдоль, так и поперёк.

Почти вся группа студентов факультета журналистики была направлена в Еврейскую автономную область. В Биробиджанском райкоме партии нас распределили по хозяйствам – на каждый колхоз-совхоз по паре уполномоченных. Таким образом мы с Сашей Морозовым оказались в Надеждинском совхозе, директором которого был Владимир Израилевич Пеллер. Тогда только ещё кавалер ордена Славы всех трёх степеней. Героем Социалистического Труда он станет в марте 1966 года. И с интервалом в полмесяца будет избран членом Ревизионной комиссии КПСС – на XXIII съезде партии.

Звонком из райкома Пеллер был предупреждён о приезде уполномоченных. Однако, проходя мимо нас, дожидавшихся в приёмной, Владимир Израилевич скользнул глазом и покинул контору. Неудивительно, что Пеллер не признал нас «представителями»: приехали мы рейсовым автобусом, одеты были по-рабочему, да и статью явно не тянули на партхозноменклатуру. Секретаря в приёмной не было, и мы не могли о себе заявить официально.

Вернулся Пеллер часа через полтора. Мы всё ещё терпеливо сидели в приёмной. Но на этот раз директор выделил нас из десятка мужиков, нещадно дымивших дешёвым табаком.

– Хлопцы, не вы будете уполномоченные? – с плохо скрываемой иронией поинтересовался Пеллер.

Мы подтвердили, и директор прошёл в свой кабинет, оставляя за собой открытую для нас дверь.

По телефону Пеллер дал распоряжение заведующему мехмастерской, а тот уже собрал «малый колхозный хурал»: главного инженера, главного механика, бригадиров тракторной и полеводческой бригад.

Когда все расселись вдоль стен кабинета, Пеллер представил нас:

– Вот, мужики, новые уполномоченные. Не из Биробиджана, а из Хабаровска. Сами они будут из студентов, которые пишут в газетах. Они специально кончали курсы, чтобы научить нас, которые тёмные крестьяне, сделанные на навозе, как надо по-научному сеять. – Не дав никому вставить слово, Пеллер закрыл совещание.

И весь «хурал» и мы заодно, предводимые директором, прошествовали через деревенскую улицу на машинный двор. Там уже в два ряда стояли

шесть кукурузосажалок. Пеллер жестом отделил нас от своих специалистов и предложил:

– Давайте, хлопцы, давайте нам наглядный урок науки с производством.

Ещё в кабинете мы сообразили, что Пеллер вознамерился покуражиться над новообращёнными уполномоченными из краевого центра. Это нам явно не понравилось, но мы не стали в позу обиженных. Саша Морозов откровенно признал, что « всю науку » мы почерпнули за неполных два часа, так что в любом случае не собираемся учить крестьян, выросших на земле, как лучше работать им на благо народа. Мы можем, добавил он, выпускать стенные газеты, « боевые листки », проводить политинформацию. И мы хотим, вставил я, познакомиться с работниками совхоза, чтобы написать про их трудовую доблесть в областную и краевую печать.

Я наблюдал за Пеллером и заметил, как он озадаченно улыбнулся.

– А трактора с других участков будете снимать, чтобы их бросить на посев кукурузы? – всё ещё настороженно спросил он.

На что Саша Морозов с деланным простодушием ответствовал: « Откуда нам знать, сколько надо тракторов на весь комплекс работ по кукурузе? »

Пеллер повеселел: – Я вижу, хлопцы, вы кончали хорошие курсы. – И тут как бы вдруг спохватился: – Ой, хлопцы, а вы же, наверное, голодные?

Главный инженер глянул на часы: « Столовая уже закрылась ».

– Ничего, мы попросим столовских девчат, они что-нибудь найдут покушать, – обещал Пеллер. И сам себе объяснил: – Нельзя же, чтобы уполномоченные с таких хороших курсов пошли спать не евши.

Дверь в столовую действительно была заперта. Пеллер оставил нас у входа, а сам углубился во двор. Через минуту нам открыли дверь, и упитанная с благоприобретённым румянцем молодуха, каких рисуют на плакатах, раскланялась в пояс, приглашая «в залу» дорогих «представителей».

Владимир Израилевич присел к нашему столу. И за разговором о «текущем моменте» дождались обильного ужина: солёных грибов и помидоров, украинского борща, а главное – жареной картошки со шкварками. Пеллер положил себе на тарелку немного грибов, а от остального отказался.

Когда, отужинав, мы полезли в карманы за деньгами, Владимир Израилевич решительным жестом остановил нас. Мы, было, попытались сопротивляться, но Пеллер уже распорядился: «Настя, запиши на мой счёт». А нам сообщил: «Сегодня угощаю я».

Директор сам и определил нас на постой – к глуховатой старушке, сын которой, механизатор, был назначен сеять кукурузу.

Как и обещали, мы не вторгались в производственный процесс. Уже через неделю в областной газете «Биробиджанская звезда» напечатали мы репортаж об «ударном труде героев посевной кампании», подчеркнув преимущество передовой технологии, каковой является посадка кукурузы квадратно-гнездовым методом с диагональным переносчиком мерной проволоки. Эти технологические заклинания мы упомянули раза три как минимум. Хотя наблюдали «процесс» с берега озера, где, как нас заверил сын хозяйки, водится рыба.

Забегая наперёд, не лишне будет отметить, что за труды наши мы с Сашей Морозовым были вознаграждены почётными грамотами Биробиджанского райкома КПСС «за большую организаторскую работу по мобилизации тружеников села

на успешное выполнение задач, поставленных Пленумом ЦК КПСС». (Секретарь райкома Андрей Алексеевич Сугробов – умный, не подверженный нахрапу и комчванству, подозреваю, был в курсе нашей «организаторской» деятельности.) Но главное вознаграждение ожидало нас осенью, когда на полях Надеждинского совхоза (благодаря нашему целомудренному отношению к порученной нам партийной миссии в качестве «кукурузных уполномоченных») кукуруза, предназначенная для силоса, вымахала выше человеческого роста.

В один из вечеров мой соратник по «партийной миссии» Саша Морозов отлучился в Хабаровск по личным делам, и Пеллер пригласил меня к себе домой. Ужин был скромный, но с выпивкой.

– Ты только не обижайся, – положив руку мне на колено, доверительно сказал Владимир Израилевич, – я от вашей компании журналистов держусь на километр. Мало что набрешут, так ещё и продадут.

Потом, уже подружившись, узнаю, что наш брат-газетчик немало напакостил Пеллеру. По наущению партийных начальников обвиняли его в несусветных прегрешениях. Били ниже пояса, главным образом когда был Владимир Израилевич в опале.

Узнав, что родом я из Славуты бывшей Каменец-Подольской области, Пеллер оживился:

– Ой, так мы же с тобой с одних местностей. Рива, ты слышишь, он, оказывается, из подольских! А мы – винницкие, с Ольгополя. Слышал: Ольгополь, Бершадь? – Я киваю. А жена Пеллера, Рива, даже называет своих знакомых, живших в Славуте. – Давай садись с нами, – зовёт Владимир Израилевич жену, – выпьем за знакомство с подольским евреем.

Рива принесла бутылку спирта. Разлили по стаканам. Пеллер предлагает не разбавлять спирт водой, а запивать. Я говорю, что никогда раньше не приходилось употреблять неразбавленный спирт.

– Посмотри, как это делает Рива, – советует Пеллер, – и за раз научишься. Меня на фронте научили в разведке, а я научил Риву.

Рива выпила, инстинктивно задержала дыхание и тут же поднесла ко рту заготовленный стакан с водой.

Собравшись с духом, но всё же с опаской, проделываю эту процедуру и, признаться, с сомнительным успехом. Но Пеллер говорит, что для первого урока сойдёт – с учётом, что я не винницкий, а подольский.

Рива, убрав со стола, пошла спать, а мы с Владимиром Израилевичем просидели до трёх часов ночи. И тогда я впервые услышал от него подробный рассказ о, как он выразился, «работе на войне».

Пеллер оставил меня ночевать у себя дома. Проснулся я в девятом часу утра. Спрашиваю Риву про Владимира Израилевича, отвечает: «Пеллер на работе уже с полпятого».

Мне «на работу» спешить не было надобности и, придя к себе, сел за стол, раскрыл блокнот и постарался возможно полнее воспроизвести рассказ Пеллера о «работе на войне». Там же, в селе Надеждинском, написал я первый очерк о Владимире Израилевиче.

Потом, когда его переведут в Валдгейм и там изберут председателем колхоза «Заветы Ильича», я буду часто к нему наведываться. За первой публикацией в краевой газете последовали вторая,

третья, мне стали заказывать очерки столичные редакции. Став главным редактором Хабаровского телевидения, подготовил о нём большую передачу. Потом сделал два документальных фильма о Еврейской автономной области, главным героем которых был Владимир Израилевич. Меня стали – кто с некоторой иронией, кто всерьёз – именовать «пеллероведом».

Каждая новая встреча обогащала впечатлениями, прибавляла характерные штрихи к портрету этого чрезвычайно яркого человека. Довольно продолжительное время Пеллер в общении со мной держался естественно, непринуждённо, не заботясь о внешнем проявлении чувств. Однако впоследствии стал я замечать некую позу, искусственные жесты, проявления скованности. И пришло убеждение: чтобы раскусить эту сложную крутую натуру, увидеть Пеллера в естественной среде, в «нештатных» ситуациях, надо прожить рядом с ним, вместе с ним хотя бы с годик.

И осенью 1969 года я приехал в Валдгейм, чтобы окончательно договориться с Владимиром Израилевичем о «трансформации» журналиста в колхозника. Когда основные формальности были утрясены, Пеллер спросил: «А сколько ты зарабатываешь как корреспондент?» Я сказал: «Когда 300, когда больше». «О! – поскущел Владимир Израилевич, – я не смогу тебе назначить даже половину». Я сказал, что согласен на любую зарплату. Пеллер не поверил в мою искренность, предположил, что какую-то скрытую выгоду от этого предприятия я наверняка утаиваю. И решил проверить: «А сколько ты заработаешь сверх колхозного оклада статейками в газетах?»

– Если изберут председателем профкома, у меня почти не останется времени писать в газеты, надо будет честно отрабатывать профсоюзный хлеб. Хотя бы потому, что вы даёте за меня ручательство.

Пеллер прощупывает меня взглядом. Поверили на этот раз?

А на заседании правления, где меня принимали в колхозники, Владимир Израилевич с торжественной категоричностью произнёс: «За этого хлопца даю ручательство, как за самого себя».

Главбух Панич напоминает:

– Какую зарплату положим ему?

– Ты же помнишь лучше, как я, – недовольно покривился Пеллер. Скорее всего, размер моей будущей зарплаты председателю колхоза подсказал именно главбух, собственная зарплата которого почти втрое превышала оклад профсоюзного лидера. Тем самым как бы определялось его место в колхозной иерархии.

– Значит, постановляем: зарплата 132 рубля, – подытожил Панич.

Секретарь райкома Сугробов, когда я становился на партучёт, поинтересовался, какую назначили мне зарплату. Я назвал сумму. Сугробов с грустью резюмировал: «Скупой колхозный рыцарь».

Через несколько месяцев Пеллер на заседании правления предложил вернуться «к вопросу о зарплате профсоюзного председателя». Но я попросил, чтоб всё оставалось, как есть. И пояснил:

– Считаю, ещё не заработал прибавку.

– Вот это правильно, – живо поддержал меня главбух. – Сначала надо посмотреть, будет ли иметь колхоз пользу от профсоюзной работы.

К тому времени мы с женой жили уже в выделенной колхозом квартире и питались самостоятельно добываемыми харчами. В сельскохозяйственной области продовольственные магазины являли взору вопиющую убогость. Ни малейших признаков мяса, яиц, муки, сахара, макарон. Сельмаг Валдгейма не был в этом отношении исключением.

Время от времени нас, «дезертиров», съехавших с хлебосольного пеллеровского дома, навещал Владимир Израилевич. Как правило, с продпайком. Иногда это был мешок картошки, иногда шмат мяса килограммов на 5-6, иногда ящик овощей. И всё по колхозной себестоимости.

«Шмулик, держи дистанцию!»

В 1962 году в собственноручно написанной автобиографии Пеллер сообщает: «Учился в школе местечка Ольгополь 6 лет. Из-за отсутствия средств школу в 1930 году не окончил и поступил в местный колхоз «Нацмен», где работал рядовым колхозником до 1935 года».

Обычно не терпящий двусмысленности, Владимир Израилевич на сей раз почему-то счёл возможным выразиться столь расплывчато. Оставалось неясным: доучился ли он до конца учебного года – это во-первых, и, во-вторых, смог ли он тогда окончить 6 классов?

Формального документа об образовании у Пеллера не было. Что же касается реальных знаний в области агрономии, механизации сельского хозяйства, практической экономики, то Владимир Израилевич, пожалуй, мог на равных потягаться с иными спецами – обладателями вузовских дипломов. Я свидетель тому, как Пеллер запоем читал художественную и специальную литературу. Благо, памятью замечательной наделили его Господь и родители.

Над отчётным докладом правления, с которым должен был выступить на общем собрании председатель колхоза, работала вся местная «элита». Я был привлечён к бригаде спецов на завершающей стадии, чтобы придать докладу эмоциональный заряд и внести стилистические коррективы.

Пеллер перелистал представленный ему доклад и отложил в сторону. Я подумал, что он ещё не раз вернётся к этому тридцатитрехстраничному труду, но Владимир Израилевич переключился на текущие дела.

На отчётно-выборном собрании Пеллер старательно прочитал политическую преамбулу доклада, а, перейдя непосредственно к анализу хозяйственной деятельности, захлопнул папку. Он даже вышел из-за трибуны и встал сбоку от неё – так, по-видимому, он чувствовал себя свободнее.

И пошёл по памяти оперировать цифрами, фактами, аргументами. Каждый раздел доклада предварял привычным: «И по вопросу рентабельности...», «и по вопросу кредитования...», «и по вопросу расстановки кадров...».

По ходу доклада он обращался поимённо к сидящим в зале и за столом президиума – одним пенял, другим адресовал похвалу. Мог распалиться гневом по поводу расхлябанности, зазнайства, а мог вдруг улыбнуться «по ходу пьесы» или даже рассмеяться. И, насмевшись всласть, сообщить колхозному собранию причину смеха – свою или чужую неуклюжую оплошность, просто нелепую ситуацию. При этом Пеллер не смущался присутствием на высоком собрании большого начальства.

Живя в доме Пеллера, я наблюдал, как он реагирует на телепередачи, фильмы. Телевизор он смотрел по обыкновению стоя. Правая рука – на серванте, левая – в кармане. Реагирует непосредственно. Жиденькая мелодрама может вызвать у него искреннее сочувствие. И попробуй оспорь. «Я бы за эту картину дал государственную премию». Видит, я не согласен. «Ты ничего не понимаешь, –

выговаривает. Выговаривает мягко, с добродушной улыбкой. – Я всё-таки сниму тебя с писателей».

В этой позе – правая рука на верхней крышке серванта, левая – в кармане брюк, философствует. Говорит, уставившись в одну точку, лишь изредка кося блекло-голубым глазом, как бы сверяясь: в удобренную ли почву падает семя.

Не единожды темой обсуждения возникает вино, вообще выпивка. Пеллер мог «принять на грудь» весьма солидную дозу. Но сам не одобрял «увлекальщиков». Пьяные оргии в домах переселенческого посёлка центральной усадьбы колхоза – головная боль председателя. Переселенцы из Тамбовской и других центральных областей России явно разбавили население Валдгейма – основателей еврейского национального колхоза.

– Они с меня, эти тамбовские волки, выпили ведро крови, – сетует Пеллер. – Если бы были работники, их бы с Тамбова не отпустили.

И вдруг рассмеялся. Смеётся, покачивая головой и вытирая глаза. Наученный опытом общения с Пеллером, не выпрашиваю, почему такой резкий перепад настроения. И Владимир Израилевич вознаграждает меня за терпеливость забавной историей.

Дело было перед войной. Пеллер работал в колхозе «Ройтер Октябрь». Надо было из таёжной пасеки доставить в Амурзет четыре бочки мёда. Выделили на эту операцию две подводы.

– Я – начальник обоза, – вспоминает Владимир Израилевич, – а в напарники дали мне подслеповатого Шмулика. Он дорогу плохо видит, и я раз за раз кричу ему: «Шмулик, держи дистанцию!». Шмулик лениво отзывается. Один раз он не отозвался. Останавливаю коней, прислушиваюсь: что-то не слышно второй подводы с нашего обоза.

Бегу назад и нахожу, что подвода перевернулась и одна бочка как-то закатилась Шмулику на ноги, а вторая бочка зацепилась за корч от упавшей лиственницы и потому не задавила моего напарника. Но один край бочки таки накатился Шмулику на грудь. Скатываю с него бочки, ставлю на колёса подводу. Затаскиваю Шмулика к себе на подводу и везу в село. В Амурзете поднимаю по тревоге фельдшера. Фельдшер щупает Шмулика. Спрашиваю: «До утра дотянет?». Фельдшер молчит и молчит Шмулик. Рива моя накрывает на стол. Ставит бутылку. Наливаю в стакан фельдшеру, себе, когда слышу – Шмулик ворохнулся. И открыл рот: «Вы, – интересуется Шмулик, – без меня не подавитесь?». «Ну теперь, – поворачивается фельдшер к Шмулику, – теперь гарантирую: до утра он протянет».

Штрихи к портрету

Из архивных документов почерпнул я достоверные сведения о жизненном пути Пеллера, начиная со дня его рождения.

Родился Фавл Пеллер, как указано в метрической книге, 6 сентября 1913 года в местечке Ольгополь Винницкой области. Отец, Исруэл, был извозчиком, балагулой. Он владел парой рыжих коней и возил пассажиров из Ольгополя на станцию Чечельник и из Чечельника в Ольгополь, а помимо того – в Бершадь и в Балту.

Кроме фаэтона в движимом имуществе Исруэла Пеллера числилась площадка для перевозки груза.

В отличие от своих пятерых высокорослых сыновей, был Исруэл приземист, широк в кости. И был он силы невероятной. Сыновья унаследуют от него доброе еврейское сердце, болезненную совестливость и отчаянную храбрость.

В субботний вечер встречает Исруэл своего соседа Вигдора Хоша, главу большого и нищенствующего семейства.

– Вигдор, – говорит Исруэл, – мы знаем Бог знает сколько лет, а вот только сегодня ко мне пришла хорошая новая мысль: почему, Вигдор, не займешь тебе пару добрых коней и стать уважаемым хозяином?

– А почему я не наследник королевы Люксембурга? – в привычной своей манере шутит реб Вигдор.

– Про королеву я тебе не скажу, а насчёт денег на пару коней – это я тебе обеспечиваю.

– А когда я тебе отдам долг?

– Когда заработаешь денег. Сегодня – червонец, завтра – полтора.

Выбрали Исруэл и Вигдор хороших коней, и насчёт корма для них Исруэл договорился с Мойше Ангертом – в кредит, значит.

Зимой видит Исруэл: сидит на козлах Вигдор и на нём кацавейка, подбитая ветром.

– Вигдор, – смеётся Исруэл, – я вижу, в твоей богатой шубе ты крепко потеешь на морозе и потому её не надеваешь. Наверное, тебе лучше подойдёт моя шуба. Она ещё не старая, но не такая жаркая, как твоя.

И с этими словами Исруэл снимает с себя шубу и надевает на Вигдора.

Историю эту, конечно же, не вычитал я в архивных материалах. А рассказала её мне с милой сердцу характерной интонацией жена Исруэла, мать Владимира Израилевича, Гитл Абрамовна.

Присутствовал при этом разговоре сам Владимир Израилевич. И когда Гитл Абрамовна посетовала на то, что частенько приходилось переживать за своих сыновей, поскольку ни одна драка в Ольгополе не обходилась без них, Владимир Израилевич, молодо и озорно блеснув глазами, спросил: «Мама, а сколько мне было, когда бил в поезде этих девять пьяных мужиков за то, что называли тебя жидовкой?».

– Лет шестнадцать, – улыбаясь своим мыслям, констатировала Гитл Абрамовна, – а может ещё только пятнадцать, но ты был на голову больше и здоровее самого их старшего мужика.

– А в Ольгополе, – предался воспоминаниям Владимир Израилевич, – прихожу раз на базар, смотрю: плачет тётя Песя, торговка селёдкой. Она

от этой торговли имела на пять копеек дохода и на рубль – неприятностей. «Что такое, – добиваюсь от тёти Песи, – или фининспектор реквизирует ваш товар?». «Нет, – говорит, – меня обманул кривой Вася». Кривой был у Васи один глаз, а чтоб получилась пара, я ему подпортил второй глаз. Но сначала я пробовал его постыдить: «Вася, – спрашиваю, – почему ты обманываешь старого человека? Взял товар – надо же платить. Это закон совести». «А вот мой закон совести», отвечает кривой Вася и бьёт меня кастетом в лицо. Я не ожидал такого оборота дела и не успел уклониться. Но и Васька не успел моргнуть здоровым глазом, как я ему накрыл ударом этот его пьяный глаз.

Пеллер с видимым удовольствием вспоминает давнее это приключение и, легко вскочив со стула, молодцевато прошёлся по комнате. Отыскал на серванте пачку «Беломора», закурил, затянулся дымом и прошепствовал на место.

– А что же дальше было, чем эта история закончилась? – выждав минут пять продолжения разговора, спрашиваю Пеллера.

– Я сильно обиделся на Ваську за такой подлый ответ на мой мирный вопрос, поэтому немного не рассчитал силу удара. Васька упал, ударился головой в землю и задёргал ногами. И тут слышу гвалт: «Жида Ваську убивают!»

В общем, дело стало плохо пахнуть. Если не отобьюсь, мужики могут кончить меня. Жили мы недалеко от базара, и кто-то успел добежать до нас домой. Между тем меня уже окружают – с палками и кнутами. Успеваю выхватить оглоблю с какого-то воза и отбегаю к стенке кирпичного сарая. Мне эта стенка нужна была, чтобы иметь защиту с тыла. И тут с суковатой дубиной ко мне пробивается мой младший братишка Зелик. Ростом он меня уже догнал, но был худой. Это не мешало ему

кидать на лопатки здоровых, в два его веса, хлопцев из демобилизованных. Вдвоём стало уже как-то веселее. А когда мужики поняли, что палками и кнутами к нам не дотянутся, и стали кидать в нас камни, прискакал на нашем рыжем жеребчике мой папа. И втроём мы разогнали базар. И стало тихо и пусто.

На обратной дороге папа мой объясняет: прибежали люди, говорят: «Исруэл, твоих сыновей бьют». На что я ответил: «Моих сыновей никто бить не может». Но на всякий случай хватаю оглоблю и – на коня. Чтоб было спокойнее на сердце.

– А сколько мне стоило здоровья, когда тебя посадили. И в этой тюрьме тебя хотели кончать, – вспомнила Гитл Абрамовна. Встала грузно со стула и, шаркая отёкшими ногами, направилась на кухню.

– В самом деле, в тюрьме вас хотели убить? – спрашиваю в надежде услышать ещё одну занимательную историю. Но Владимир Израилевич отмахивается: «Это долгая история. И когда это было...».

– Тогда вы были ещё молодой? – наводящими вопросами надеюсь побудить Пеллера к новому рассказу. Когда ещё представится подходящий случай, подобная атмосфера?

– Что значит – молодой, – рассуждает Пеллер, – мне было уже двадцать пять лет, и я был председателем колхоза.

Прикидываю в уме: это был тридцать восьмой год.

– Вам пришивали политическое дело? – поощряю Владимира Израилевича к воспоминаниям.

– Политическое дело мне будут шить после войны, а тогда... тогда меня посадили за свинство прокурора.

– Почему же не прокурора посадили, а вас?

– Потому что прокурор сидел на законе. И как прокурор захотел повернуть закон, так воротил. А прокурор был ещё тот уголовник.

– Я понял, что вы с ним не сошлись характеристиками. Не всегда прокурор держит сторону председателя колхоза.

– Наоборот, – возражает Пеллер, – он всегда меня хвалил как хорошего хозяйственника. Пеллер, говорил он на собрании районного актива, сам не запустит руку в колхозный карман и другим даст по рукам.

– И что же вам помешало дальше оставаться примером для прокурора?

– Сам прокурор, – вяло роняет Владимир Израилевич. И вдруг спохватывается: – Мы же с тобой завтра едем на утреннюю дойку в Жёлтый Яр. Ты же не проспишься до пяти утра.

– Мне хватит времени, я выплюсь, – заверяю Пеллера. – Но историю про то, как вы сидели в тюрьме, я ни от кого не слышал. Про то, что вы «травили» коней и вас таскали в МГБ, я знаю, знаю про штрафбат. А про тюрьму не слышал.

Пеллер снова смотрит на часы, и я придвигаю к нему свой стул, чтобы разговаривать негромко.

– Я работал в колхозе «Ройтер Октябрь» председателем, – закуривая новую папиросу, вспоминает Пеллер. – Раз приезжает районный прокурор, и ему очень интересно посмотреть своими глазами развитие животноводства в колхозе. В телятнике и коровнике прокурор не хочет терять даром время, а из свиначника я не мог его утащить. «Ну прямо, понимаешь, артисты с цирка», – хвалит он двух ядрёных поросят. И интересуется, какой у них возраст. Я говорю, что поросята эти уже пошли на третий месяц жизни.

– Володя, – кладёт мне запястью руку на плечо прокурор, – а как насчёт купить этих

«циркачей»? Пришлись они, понимаешь, мне крепко по вкусу.

– Могу продать согласно закону, – говорю. И тут вспоминаю, что контора уже закрыта, а бухгалтер с отчётом уехал в Биробиджан, в облсельхозотдел.

– Ну, так как? – спрашивает прокурор, а сам не может оторвать глаз от поросят.

– Ничего, – спрашиваю, – что передам вам этих «циркачей» без оформления бухгалтерии?

– Это, – замечает прокурор, – будет по всем правилам против закона, но если, понимаешь, в порядке исключения...

«В порядке исключения» я записал обоих этих поросят в мешок и сам отнёс в прокурорскую двучолку.

И только тут выясняется: мало, что я забыл про отсутствие нашего колхозного бухгалтера, так, оказывается, районный прокурор забыл дома свой «портмоне».

– Володя, не могу, понимаешь, брать этих поросят без оплаты стоимости колхозу, – расстроился прокурор после того, как я уложил в двучолку мешок и притрусил его сеном.

– Всё будет по закону, – успокаиваю прокурора. – Приедет бухгалтер, оформим приходный ордер.

– Володя, даю тебе, понимаешь, партийное слово...

Я вижу, как переживает прокурор, что так вышло, и как ему неловко, и прошу его дольше не расстраиваться: «Разве, – говорю, – есть такой прокурор, который отказывается держать слово?».

Проходит месяц, встречаю я на райпартактиве прокурора, и тот опять забывает иметь при себе деньги. Но зато помнит про поросят и, как только он будет близко от нас, забежит в колхозную кон-

тору. На четвёртый месяц прокурор забывает про поросят и про своё партийное прокурорское слово. Делать нечего, запрягаю пару коней, кидаю в передок брички ломик с пожарного щита и еду в райцентр. У ночного сторожа райисполкома расспрашиваю про адрес прокурора. Короче, ломиком выворачиваю замок вместе с «кишками» с прокурорской сарайки, заваливаю в бричку поросят – они уже набрали хороший вес – и везу в колхозный свинарник.

На другой день три милиционера ведут меня в тюрьму, так как я есть взломщик, который украл поросят у прокурора.

В камере людей набили, как селёдки в бочке, и на этот случай нет места стать удобно, не говоря уже – присесть. Становлюсь около двери и так стою всю ночь. Приносят утром баланду и запускают ещё одного человека. Смотрю, он не стоит на своих ногах. Не пьяный, больной: пот с него, как дождь с лица. Я высматриваю пустые нары, около которых кучка мужиков, голых до штанов, играет в карты. Я подвожу этого больного человека к свободному месту и хочу положить его с ногами на эти пустые нары. И тут один из картёжников, вертлявый такой и без остановки давится смехом, так ловко, даже не повернулся назад, спихивает ногой больного человека на пол. Меня как током бьёт.

– Хлопцы, – говорю, – как же так можно – это же больной человек? Это же не по-людски! – И в ответ мне летит котелок этого вертлявого. Оказывается, он староста камеры – пахан. Тогда я сгибаю этого пахана и вытряхиваю с него всё нахальство. И все котелки, какие есть в камере, летят на меня. Но я не отпускаю пахана, пока от него через рот не начинается вылезать пена. На подмогу ему кидается вся камера. Когда стряхиваю с себя эту шпану, дотягиваюсь одной рукой до нар и срываю

от них доску – как она есть с гвоздями. Поднимается страшный гвалт и на этот гвалт заскакивает милиция и один милиционер стреляет с нагана в потолок. Шесть человек с нашей камеры фельдшер с конвойными уводит в медпункт. Тогда, которые остались, хотят меня выбрать в старосты камеры.

Когда в колхозе узнали, что меня забрали в тюрьму, мои колхозники садятся на пароход и с Амурзета едут в Найфельд, где живёт и работает передовая доярка области, депутат Верховного Совета СССР – это был первый Верховный Совет – Лея Лишнянская. Она пришла ко мне в камеру и сказала: «Завтра, ну, может, на крайний случай, послезавтра, выйдете на свободу». И меня выпустили с тюрьмы на второй день.

Пеллер, окончив рассказ, резко поднялся: «Всё, давай иди спать».

Особое удовольствие испытываю от общения с матерью Пеллера Гитл Абрамовной. По документам ей 86 лет, но жена Владимира Израилевича, Рива, говорит, что свекровь её сама не знает, сколько ей на самом деле лет. Во всяком случае, баба Геня – так зовут её внуки и правнуки – никому не в тягость. И ещё помогает Риве на кухне.

Гитл Абрамовна вышла замуж за овдовевшего Исруэла Пеллера в 1911 году. От первого брака у него было двое детей – Мордхе и Песя. Гитл Абрамовна была не только хороша собой, но и, что называется, в полном соку и родила своему Исруэлу четырёх сынов – Владимира (Фавла), Зейлика, Аврума и Берла.

У Гитл Абрамовны замечательная память, и она в подробностях рассказывает мне о детстве своего первенца – Фавла:

– Иерузал сам отвёл к ребё нашего Фавла, чтобы учить его лошэн койдеш. Не сказать, чтобы он был первый ученик, но Тору читал хорошо, и я любила слушать, когда он пересказывал про то, как Бог вывел евреев с Египта и как море Суф расступилось, чтобы дать дорогу евреям, а потом как это море потопило египетское войско. А в школу мы его отдали в еврейскую. Но ходил он учиться только шесть лет – надо было зарабатывать на жизнь. И пошёл он в колхоз «Нацмен». Это был уже 1930 год. А ещё до этого с тринадцати лет работал он кучером.

Председатель колхоза был Кравец. Он поставил Фавеле на разные работы: косить сено, боронить зябь, делать весновспашку. Я носила ему покусать на поле. Вижу, идёт мой Фавеле по борозде: вожжи повязал на шею, чтоб руки были свободные держать ручки плуга. Работал хорошо, приносил премии – когда рубашку, когда ботинки, когда пуд пшеницы.

В армию его забрали – уже был тридцать пятый год. Послали на Дальний Восток, на границу: посёлок Камень-Рыболов. А после он там и остался. В Биробиджан – на землю перебрался. Перевёз меня, перевёз жену Риву и дочку Цию. Жили мы в райцентре Амурзет. И там был колхоз «Ройтер Октябрь». Фавеле как ударнику колхоза дали путёвку на тракторные курсы. А жили мы первое время на квартире у слесаря МТС Брагславского. Потом, когда Фавеле кончил тракторные курсы, дали нам отдельную комнату. А ещё Фавеле три месяца учился на председателя колхоза. И его выбрали председателем. Вместо старого председателя Арона Райзбурга. Когда Райзбург был председатель, Фавеле пошёл в колхоз просить молоко для ребёнка – Циле было три го-

да. Райзбург кричит: «Откуда вы взяли на мою голову, иждивенцы?».

А как началась война, так сразу принесли по-вестку.

Домашним Пеллер сказал: «За меня не пере-живайте, меня берут на переподготовку».

Владимир Израилевич действительно не сразу попал на передовую. Два месяца промаялся он в 145-м гаубичном полку. Часами гоняли строем. Остальное время – окапывание и укрытие матери-альной части. Как-то ночью, выйдя из казармы, Пеллер увидел: Хаим Бергер, худенький еврейчик с тонкими детскими руками и робкими печальными глазами, копает укрытие для трактора-тягача.

– Хаим, – спрашивает Пеллер, – тебе не хвата-ет на это целый день? – Сам Владимир Израиле-вич в срок выкопал укрытие для закреплённого за ним трактора С-80.

– У меня не получается делать норму, – оправ-дывается Бергер.

Кормили в запасном полку скверно. Недоедал и Пеллер, но держался. Пеллер встал рядом с Бер-гером и за полтора-два часа добил норму.

Стояла часть в селе Новое Ленинского района ЕАО. В один из дней навестила Пеллера жена, Ри-ва. Она привезла мужу махорки и новые охотничьи сапоги. Зарядили уже дожди, и знакомые колхоз-ники посоветовали Риве купить для мужа сапоги с длинными голенищами – на войне пригодятся.

Что делает Пеллер? Пеллер берёт эти пода-ренные сапоги и несёт в ближайший сельский дом.

– Хозяин, – говорит, – возьми эти сапоги, ты на них обижаться не будешь, и дай мне что-нибудь с продуктов – что не жалко.

Хозяину было не жалко двух больших ржаных хлебов и миски самодельного коровьего масла.

Пеллер находит Бергера.

– Хаим, – просит Пеллер, – требуется личное твоё геройство – растяни эту пайку минимум на неделю.

Через неделю Пеллер навещает Бергера, и тот опять ночью на позиции копает укрытие для закреплённого за ним трактора ЧТЗ. По распоряжению командования, гаубицы и тягачи должны были менять учебные позиции не менее раза в сутки.

Пеллер велит Хаиму идти в казарму ночевать, а сам берёт его лопату и принимается за работу.

Регулярно – раз в неделю – Пеллер подаёт командиру батареи рапорт с просьбой отпустить на фронт. Таких, как Пеллер, в полку набралось около сотни, и из них на исходе лета сформировали маршевую роту.

– Не меньше как два года я не имела от него писем с фронта, – рассказывает Рива Иосифовна. – Прихожу в военкомат: «Где мой муж, может он уже неживой?». «Не волнуйтесь, с ним всё благополучно», – успокаивают. Потом Пеллер рассказал, что «с тех войск» не смог написать. А потом специально вызвали меня в военкомат. Я бросила работу в телятнике и бегу. Военком – здоровый такой украинец – удивляется на мои слёзы: «Что вы так расстраиваетесь? Вам не стоит расстраиваться: ваш муж живой и он герой войны». Оказывается, военком давал на фронт запрос. Потом мне и в колхоз прислали с фронта благодарность за Пеллера.

Рива Иосифовна и в присутствии мужа и когда его нет называет Владимира Израилевича: Пеллер. Привыкла.

– Раз муж у меня герой, – продолжает Рива Иосифовна, – я иду в правление колхоза просить угля или немного дров. Но в бухгалтерии мне го-

ворят: «Вас таких много, а колхоз работает исключительно для фронта, для победы».

Один раз я своровала от своих телят мёрзлой картошки и немного варёной тыквы – ребёночков дома покормить. И тут как тут – завфермой Беня. Нашёл в кормушке спрятанную мою торбочку: «Вот я сейчас соберу правление, оформим на тебя протокол, пойдёшь под суд!». Я плачу: «Товарищ Беня, у меня дети пухлые от голода». Беня открывает торбочку, высыпает с неё телятам.

Прошу у Ципы Дольберг, она доярка в старом коровнике, а муж, как мой Пеллер, на фронте: «Дай мне топорик, пойду на кладбище, нарублю лозняк корове – дома ни периночки соломы. Пошла на кладбище, нарубила лозняк, иду домой, мороз, а я плачу, задыхаюсь от ветра: «Пеллер, хоть бы ты приехал посмотреть на этих издевателей!».

Дома – в спальне – на стенках белые ковры из мороза. Под тряпками на кровати – Цилечка и Манечка. «Дети, – зову, – вы ещё живые? Ваш папочка воюет, чтобы вы остались живые». Манечка пережила войну, а в сорок шестом, в июле, утонула в Амуре.

Владимир Израилевич сам как-то вспомнил прощание с семьёй перед отправкой на фронт. Рива крепилась изо всех сил – наплакалась вдоволь потом, когда осталась в доме с малолетними детьми. Семилетняя Циля верила, что папа её выполнит обещание – вернуться с войны живым и невредимым, и потому почти не плакала. И только маленькое сердечко любимицы Пеллера, Манечки, по-видимому, предчувствовало беду. Манечка родилась в Амурсете, за два года до войны.

– Такого красивого ребёнка ещё не видел свет,
– Пеллер, понятно, смотрел на своего ребёнка

восторженным взглядом любящего отца. — Когда я уже садился на коня, чтобы уехать, Манечка подбежала ко мне с плачем: «Папа, папочка!». Я взял её на руки, и она обхватила мою шею маленькими ручками и не отпускает. И я чувствую: мне не хватает воздуха дышать, а сердце, слышу, стучит так, как если б у меня был внутри барабан, ещё минута, ещё минута и будет разрыв сердца. И я отлепляю от шеи маленькие пальчики Манечки, ставлю её на землю и вскакиваю на коня. Но конь не хочет меня слушать и метров, может, через сто останавливается, как если б его вкопали в землю. Оглядываюсь назад: моя Манечка стоит, где я её поставил, и смотрит на меня. И я поворачиваю коня, и Манечка бежит ко мне. А я боюсь слезть с коня, потому что где я тогда возьму силы ещё раз оторвать от сердца этого ребёнка? Но я слезаю с коня и хватаю Манечку на руки и плачу, и плачу, и плачу... Как никогда до того в жизни не плакал и до смерти уже не заплачу. И я прошу нянечек с детсада, Манечка в тот день была в детсадике, я прошу: «Заберите от меня моё сердце, мою душу!». А сам вскакиваю на коня и гоню через степь, через соевое поле — на большак.

В Сталинграде был «Дом Пеллера»

В центре села Валдгейм – в скверике Дома культуры – воздвигнут памятник павшим на войне односельчанам. Всякий раз, подъезжая к мемориалу, Владимир Израилевич сбрасывает скорость. И я вижу, как от лица его отливает кровь, побелевшие руки судорожно сжимают руль. Машина идёт на самой малой скорости. Я тоже смотрю на мраморную плиту и в который раз читаю: М.А.Вейцман, М.Ш.Гершов, И.Е. Мишурис, А.М.Гуральник... Возможно, Пеллер видит их, этих павших солдат, там, на войне, на подступах к Одессе, в болотистом лесу под Смоленском, – оставленных при отступлении раненых, истекающих кровью... Или сгоревших в танке в великом и страшном побоище под знаменитой Прохоровкой... Или упавших окровавленной грудью на плавающий от огня асфальт у самых Бранденбургских ворот в столице поверженного рейха...

В личном деле гвардии младшего лейтенанта запаса Пеллера В.И. в графе «Участие в Великой Отечественной войне» значится: «... с 1. 8. 1941 г. по 9. 5. 1945 г.».

Прибалтика памятна ему кровопролитными оборонительными боями, отчаянным мужеством и горькой участью солдат сороковых роковых. Первое ранение, тяжёлое – под Одессой – 5 сентября 1942 года. Не долечившись, ещё заметно прихрамывая, выхлопотал Пеллер направление на фронт.

В Сталинграде, в самом пекле войны, был дефицит боевой техники, боеприпасов, продовольствия, зато солдат в России хватало на все случаи войны. И там, где немцы броневым тараном проламывали бреши в кровоточащем переднем крае, большие военачальники затыкали эти дыры солдатской массой.

Во время Сталинградской битвы получил широкую известность «Дом Павлова». После войны этот впечатляющий пример мужества и героизма защитников Сталинграда вошёл в историческую хронику Великой Отечественной войны. Между тем, в Сталинграде в ту пору был известен и «Дом Пеллера» – обыкновенный трёхэтажный дом, каких в районе Тракторного завода было довольно много.

В сводках Совинформбюро сталинградские бои именовались уличными. На долю Пеллера достался почти целый месяц «квартирных» боёв.

В первую ночь боевой операции Пеллер с шестью бойцами «зацепился» за лестничную клетку углового подъезда дома.

– Почин сделали удачный, – рассказывал Пеллер в один из вечеров воспоминаний. Я неустанно и терпеливо подвигаю Владимира Израилевича на такие воспоминания. – Но дальше пошла самая тяжёлая работа.

Немцев в том трёхэтажном доме, как впоследствии выяснилось, засело столько, что хватило бы работы на целый штурмовой взвод. Полковая разведка либо добыла неверные сведения, либо эти сведения ко времени начала боя за «Дом Пеллера» уже несколько устарели. Как бы то ни было, «почин» оказался удачным, и отказываться от продолжения операции Пеллер не собирался.

– На харчи, как всегда, оставили мало места, – грустно улыбается Пеллер, – все вещмешки и кар-

маны набили патронами и «лимонками». Нужно было послать человека за подкреплением, но немцы из соседних домов держали под прицелом каждый метр от дома до боевого охранения нашего батальона.

Больше недели ушло на то, чтобы овладеть домом, – комната за комнатой, коридор за коридором, этаж за этажом. Когда загнали немцев на третий этаж, Пеллер в одной из комнат наткнулся на четырёх гитлеровцев. Схватились врукопашную. Одним прыжком достиг он ближнего немца, резким ударом головой опрокинул навзничь и, ухватив его за ноги, выкинул в окно. Остальные трое набросились на Пеллера...

Когда через несколько минут в комнату эту ворвался младший сержант Прокопенко, немцев уже не было. Пеллер стоял в углу запыхавшийся и нервно курил.

«Слышу крик, заскакиваю сюда... А где же немцы?», – недоумевает младший сержант.

– А я их выкинул на двор, – показал глазами Пеллер на выбитое окно и швырнул туда горящий ещё окуроч.

– Сколько же вы держали этот дом? – спрашиваю Владимира Израилевича.

– Почти месяц. Немцы пробовали нас выкурить. Скалечили с миномётов, считай, половину дома.

– Вы сказали, что продуктов мало припасли. А что же вы ели?

– От немцев осталось оружие, гранаты с длинными ручками, сигареты, правда вонючие, и харчи – галеты, консервы и даже фляга шнапса. И вот раз, перед самым утром, уже третья неделя пошла, пробились к нам два бойца с моего взвода. Приволокли двух «дегтярёвых» – ручных пулемётов, тушёнки американской – «второй фронт», су-

харей, а главное – махорки. И уже жить стало веселей.

Двадцатого декабря 1942 года Пеллер был ранен в живот. В уфимском госпитале получил он трогательное письмо от командира 210-го гвардейского стрелкового полка Воронкина: «... я уже не дождусь, когда ты вернёшься к нам. И хлопцы твои тоже не дают мне покоя, переживают, как бы ты не попал в другую часть... Есть для тебя приличная работа: командир разведвзвода. Мне советовали других кандидатов, но сердце не лежит отдавать этот взвод в чужие руки. И хлопцы тоже за тебя хлопочут...».

Пеллер успел в свою часть в самый раз – к началу боёв на Курской дуге. В представлении на награду гвардии старшины Пеллера В. И. говорилось: «Захватил 18 языков, в т. ч. 2-х офицеров».

Седьмого июля 1943 года в одной из разведопераций Пеллер был тяжело ранен в голову. Бойцы разведвзвода, выносившие своего командира из расположения противника, трижды меняли окровавленные повязки. Врачи военно-полевого госпиталя, обследовав рану, сказали навестившему Пеллера командиру полка, что шансов выжить у боевого разведчика один из ста. Пеллера этот единственный шанс устраивал.

В июне сорок четвёртого разведроты гвардии старшины Пеллера первой ворвалась в город Витебск и водрузила красный флаг на здании облисполкома. За эту дерзкую операцию Пеллер был награждён орденом Славы третьей степени. И с этой наградой на груди запечатлён он перед развёрнутым знаменем части. И командир полка вручит ему эту наградную фотографию перед строем.

В сентябре того же года рота Пеллера провела успешную операцию – разведку боем. Были выявлены огневые средства противника. Захваченные в

плен немецкие офицеры дали командованию 71-й гвардейской стрелковой Витебской ордена Ленина Краснознамённой дивизии ценные сведения. Командир роты гвардии старшина Пеллер был удостоен ордена Славы второй степени.

А кавалером «полного Банта Славы» станет Владимир Израилевич 24 марта 1945 года. За очередной «славный подвиг храбрости, мужества и бесстрашия при образцовом выполнении задания командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками» – так будет написано в представлении на высшую солдатскую награду.

Война близилась к завершению, и уже за огненным горизонтом брезжил величественный лик Победы. Но ожесточённые бои не прекращались, и тяжёлые потери личного состава острой болью отзывались в сердцах мужественных, ответственных и порядочных командиров. Командующий 1-м Прибалтийским фронтом генерал Иван Христофорович Баграмян, сам Герой Советского Союза, отдал негласное распоряжение по войскам: максимально беречь героев войны – полных кавалеров ордена Славы и Героев Советского Союза. Таким образом, гвардии старшина Пеллер – кавалер ордена Славы всех трёх степеней – становится сначала командиром взвода снабжения батальона, а затем и врио начальника продовольственно-фуражной службы (ПФС) полка и пребудет в этой должности до демобилизации – до июня 1946 года.

Для командира взвода разведки и командира роты гвардии старшине Пеллеру В. И. хватало 7 классов образования. (Хотя, на самом деле, он всего шесть лет ходил в школу. Так указывал во всех документах сам Владимир Израилевич.) А вот для врио начальника ПФС полка и гвардии младшего лейтенанта, по мысли начальства, семилетки уже было недостаточно. И в Аттестационном листе

на присвоение первичного офицерского звания в графе «Общее образование» будет указано: окончил 10 классов.

Заодно, «для верности», изменили и национальность. В этой графе Пеллер значится русским.

Сам Владимир Израилевич знаменательный этот документ – Аттестационный лист – в глаза не видел. Когда я рассказал ему об этом, не поверил. Показываю заверенную копию из архива Министерства обороны, удивляется: «Зачем нужна была эта химия?». А сам с интересом читает этот документ, датированный 28 апреля 1945 года. «Тов. Пеллер временно исполняет должность командира снабжения, умело и правильно строит работу по снабжению батальона. Во время боёв, несмотря на условия боя и обстановку, всегда своевременно организывает доставку боеприпасов и продуктов питания непосредственно на передовые позиции в подразделения. В последних наступательных боях в трудных условиях он бесперебойно и своевременно обеспечивал подразделения батальона всем необходимым».

И далее: «Тов. Пеллер много работает над повышением своего военно-политического уровня, в боях смел и решителен, морально устойчив, предан делу партии Ленина-Сталина и Советской Родине».

И в заключение: «Заслуживает присвоения ему воинского звания «Гвардии младший лейтенант». Подписал Аттестационный лист командир 1-го батальона 210-го гвардейского стрелкового Полоцкого Краснознамённого полка гвардии майор Коваленко.

Показываю Владимиру Израилевичу «Выписку из приказа по войскам Прибалтийского военного округа (по личному составу)».

28 апреля 1946 г.

№ 0926 г. Рига

В соответствии с положением о прохождении службы командным и начальствующим составом РККА, утверждённым Постановлением ЦИК и СНК СССР от 22 сентября 1945 года, увольняется из кадров Красной Армии в запас по ст. 43 (по возрасту) начальник ПФС 210 гвардейского стрелкового полка 71 гвардейской стрелковой дивизии младший лейтенант Пеллер Владимир Израилевич.

Направляется на учёт в Сталинский РВК г. Биробиджан.

Командующий войсками

Прибалтийского военного округа

генерал армии Баграмян

Член Военного Совета

Прибалтийского военного округа

генерал-лейтенант Рудаков

Начальник штаба

округа

генерал-лейтенант Вашкевич

– Эту бумагу я видел, – вспоминает Пеллер. – А где ты накопал про десять классов и про национальность «русский»?

– Я запрашивал архив Министерства обороны СССР, – отвечаю. И показываю Владимиру Израилевичу копии Аттестационного листа на присвоение первичного офицерского звания, боевых и служебных характеристик.

– И зачем ты это собираешь? – лукаво вопрошает Пеллер.

– Чтоб напомнить вам некоторые факты, даты, имена.

– И что ты ещё там накопал?

– А то, что в партии вы не с 1950 года, как написано в учётной карточке члена КПСС, а с 1943. И вступили перед боем на Курской дуге.

За что исключали Пеллера из партии

– Это самая настоящая правда, – с горьким вздохом обронил Владимир Израилевич. Он прикурил от недогоревшей папиросы, поперхнулся дымом, закашлялся и, притушив смятую в ладони папиросу, бросил на грудку окурков. – Это из-за того падлы. – И Пеллер назвал уже забывающуюся в ЕАО фамилию бывшего секретаря обкома партии. – За его дурную голову исключили меня из партии.

Владимир Израилевич обратил внимание на то, что я сделал какие-то пометки, и предупредил: «Будешь писать... не отпирайся, всё равно будешь писать, так я прошу: не называй его фамилию. У него дети от первой жены живут здесь. Они не виноваты». И строго посмотрев на меня, уже потребовал: «Не называй. Я его никогда не прощу, а дети не виноваты».

Я дал твёрдое обещание, и Пеллер изложил мне историю более чем двадцатилетней давности. Детали этой истории дополнили и уточнили бывшие работники обкома КПСС, и вот как она выглядит в лаконичных записях, в дневнике, который я вёл в колхозе.

Пеллер по возвращении из армии возглавил прежний свой колхоз «Ройтер Октябрь».

Дела шли хорошо, Владимира Израилевича приглашали в президиум собраний партхозактива.

Между тем, в Сталинском районе ЕАО был колхоз имени Сталина, который наглухо залёг в преисподней соцсоревнования. Такое положение, понятно, не могло оставаться терпимым, и райком мобилизует коммуниста Пеллера «на трудовой подвиг». За год Владимир Израилевич поднимает на ноги колхоз-дистрофик, носящий имя «отца народов». Колхоз не только справляется с госпоставками, но и запасается собственными семенами и даже расплачивается с колхозниками по трудодням.

Между тем район в целом – опять же Сталинский район – не дотягивает план хлебосдачи государству. Обком, райком, облземотдел ринулись шарить по колхозным сусекам. Пеллер доказывает: в его колхозе нет излишков. Требуют позаимствовать из семенного фонда – обещают вернуть весной из госрезервов. Пеллер стоит насмерть.

И вроде отступились. Но вот в один из дней, возвращаясь из Биробиджана домой, председатель увидел встречную колонну «ЗИСов», гружёных хлебом. Борта машин украшены крикливыми лозунгами, смысл которых – завалим родное отечество щедрым колхозным хлебом. Предчувствуя недоброе, Пеллер заспешил на колхозный ток. А там распоряжается секретарь обкома (тот самый, имя которого Владимир Израилевич не желал называть). Начали с взаимных обвинений, а кончили рукоприкладством. Секретарь, здоровый, кормленный из спецбуфетов, схватил Пеллера за грудки. Этого Владимир Израилевич стерпеть, естественно, не мог, в ярости сгрёб партийного начальника и перекинул через ограду колхозного тока.

И в тот же вечер по решению бюро райкома загремел член райкома тов. Пеллер В. И. из партийных рядов. И пришлось передовому председателю колхоза переквалифицироваться в завхозы

Амурзетской больницы. Спасибо Леониду Марковичу Бруднеру, завбольницей, отважившемуся пристроить опального – с «волчьим билетом» – столпа колхозного строительства.

Пребывая в этой более чем скромной ипостаси, не гнушался чёрной работы, не исключая уборки нужников.

Вскороности партначальникам понадобился Пеллер: потребовалось реанимировать ещё один колхоз – живой труп. Амнистировали Владимира Израилевича, восстановили в сплочённых рядах партии.

Однако ненадолго. На областном собрании партактива Пеллер, что называется, озвучил то, о чём шептались в области насчёт первого секретаря обкома – отъявленного антисемита и бандита с большой партийной дороги. Обком отреагировал адекватно – дал залп из разнокалиберных комиссий с наказом разделать в пух и прах возглавляемый Пеллером колхоз. Накопали усердные «комиссары» даже больше, чем требовалось. Так что исключение Пеллера осталось делом партийной техники. Исключили.

Но однажды партийная экзекуция всё же сошлась. Начиналось так.

Из района позвонили: явиться к 17.00. Явился. Второй секретарь приступил с места в карьер:

– Вы знаете, что колхозники разворовывают колхозный хлеб?

– Нет, не знаю.

– Неправда, знаете.

– Они его не воруют... Это их хлеб, они его заботили своим горбом.

– Бросьте демагогию разводить. Если хоть один грамм хлеба, один колосок будет вынесен с поля... Вы понимаете?

– Понимаю.

Возвращается Пеллер домой. «Кто виноват, – мучает себя вопросом, – что трудовень не кормит колхозника? Наверное, в первую очередь – председатель».

В трёх километрах от села заметил метнувшиеся к обочине дороги тени. «Стой!» – закричал в ярости Пеллер. В зыбком зеленоватом свете луны увидел, как подозрительно вздуты карманы телогреек, комбинезонов. Натянул поводья так, что конь захрапел, взвился на дыбы. Те двое колхозников застыли в тревожном ожидании. Ничего не сказал им председатель. В сердцах огрел коня плетью и погнал по пашне – напрямик к селу.

Ещё до света у колхозного склада выстроилась очередь. Выдавали муку. У весов стоял сам Пеллер. Рядом – главбух. Отмечал, сколько кому причитається. Не по трудовням, а по числу едоков.

Ждать долго «реакции» не пришлось. На следующий день, ближе к вечеру, приехал в колхоз первый секретарь райкома А.А.Сугробов. Не заходя в контору, бросил:

– Поехали к тебе домой.

Обшарили все комнаты, кладовку, сарай.

– Это что в мешке – шрот? Развязывай. Для коровы?

– Какая корова?... Детям не хватает.

– Муку раздал всем без исключения?

– Без.

– Почему себе не взял?

– Возьмёшь грамм, скажут – хапнул пуд.

– Значит, так, – подытожил Сугробов, – оформишь решением правления... задним числом. И если из обкома спросят, скажешь: согласовано со мной.

– А вам, Андрей Алексеевич, зачем моя болячка?

– Она моя тоже. – И уже другим, потеплевшим тоном: – А как ты управился за одну ночь смотаться на мельницу и обратно?

– У меня есть пара коней, так у них только крылья не хватает. Я запряг исключительно этих самых коней.

– А с кем грузил пшеницу, муку?

– А зачем, чтоб ещё кто был виноватый?

– И пока твой самый «заклятый друг» стукнул в обком, ты уже всю муку распределил?

– До граммовки.

– А ты всё же, Володя, того... не партизань. Хорошо, на этот раз до исключения не дойдёт. Надеюсь, не дойдёт.

– А вы, Андрей Алексеевич?

– А мне поставят на вид. Надеюсь, поставят...

Пеллер сильно уважал Сугробова. Считал, таких партийных секретарей два-три на всю область. Дорожил дружбой, добрыми товарищескими отношениями и с председателем облисполкома ЕАО Григорием Ефимовичем Подгаевым – фронтовиком, награждённым многими боевыми орденами, трижды раненым. И темнел лицом при одном упоминании имени первого секретаря обкома «клинического юдофоба и бешеного антисемита» – Алексея Климентьевича Чёрного.

Вот придёт Шапиро

Летом 1970 года в ЦК КПСС сообразили, что после более чем двадцатилетнего отлучения от руководства Еврейской автономной областью партийных руководителей с «ущербной» пятой графой, по-видимому, пришло время назначить (пardon, избрать) первым секретарём еврея.

Выбор пал на Льва Борисовича Шапиро, секретаря парткома завода «Амурсталь». Зачем было прекрасного специалиста, инженера божьей милостью, пересаживать из родной, можно сказать, почвы, «плодоносящей» различными сортами стали, на неведомую ему ниву аграрную? В обкоме ЕАО были толковые работники с не менее выразительными еврейскими фамилиями. Они могли не хуже Шитиковых-Чёрных-Подгаевых и иных партначальников с благополучной пятой графой командовать автономной еврейской областью. Но служебный потолок партфункционеров-евреев ограничивался должностью «завотделом». Были, правда, партсекретари с нерусскими фамилиями, очень похожими на еврейские. Кассович, к примеру, секретарь обкома партии по пропаганде, но не еврей, а вроде бы мадьяр. Правила Биробиджаном в роли первого секретаря горкома КПСС тов. Лизандер, однако немка.

А так, на слух, на посторонний взгляд, фамилии вполне подходящие для партфункционеров высокого ранга, командующих в Еврейской автономной области.

За Льва Шапиро похлопотал бывший в ту пору первым секретарём Хабаровского крайкома партии Алексей Павлович Шитиков. В 1970 году партия назначит этого «сов. парт. гос. деятеля» – как он значится в Советском энциклопедическом словаре – на пост Председателя Совета Союза Верховного Совета СССР. А на освободившийся трон краевого партначальника вскарабкается другой «сов. гос. парт. деятель» – А.К.Чёрный, три года самоуправствовавший в ЕАО в чине первого секретаря обкома и восемь лет переживавший в должности председателя Хабаровского крайисполкома. На место Чёрного пересядет Григорий Ефимович Подгаев, соответственно освободив кресло первого секретаря Еврейского областного комитета КПСС. Звучит-то как – «еврейского»!

По слухам, Шитиков положил глаз на секретаря парткома завода «Амурсталь» Льва Борисовича Шапиро за отчаянную, граничащую с «оргвыводами», принципиальность.

Дело, якобы, обстояло следующим образом. На заводе «Амурсталь» строилась высокопроизводительная установка непрерывной разливки стали. Кому-то в партийных эмпиреях возжелалось, чтобы сдача в эксплуатацию этого сложного агрегата случилась (по трогательной советской традиции) акkurat к «красной дате» календаря.

На заводе высаживается десант, состоящий сплошь из крупных «сов. парт. гос. деятелей». Директора завода – партийного назначенца – изнасиловать не составило труда. Директор отряхнулся и встал привычно «во фронт». А свежеиспеченный секретарь парткома, несколько лет подряд возглавлявший основной цех, отказался осознать «важность момента» и тот очевидный факт, что сдача объекта в назначенный комиссией срок – «партийный наказ и дело чести коммунистов». Для

не успевшего заматереть на партийной подёнке секретаря заводского комитета КПСС с такой нахально еврейской фамилией Шапиро важнее всего были технические расчёты. А технические расчёты противоречили партийной логике, были несовместимы с «партийным наказом и делом чести коммуниста».

– Не получается, – развёл руками инженер Шапиро.

– Получится, – шикнули зловеще.

– Посмотрим, – печально вздохнул секретарь парткома Шапиро.

Не получалось. Не получалось, несмотря на то, что бросили все возможные силы и средства из Москвы, мобилизовали рабсилу со всего края. Однако количество, вопреки постулатам марксистской философии, не перешло в качество.

Шапиро был этим обстоятельством удручён не меньше других, отчаянно штурмовавших «объект чрезвычайной государственной важности». Он бы рад был вернуться «на круги своя» – в свой мартеновский цех. Но на него, как уже было сказано, положил глаз первый секретарь крайкома Шитиков. Он явно зауважал секретаря заводского парткома, несмотря на его откровенно еврейскую фамилию Шапиро.

А тут подоспел его всемогущество случай. Западный ветер подул на восток, в сторону страны Советов. И Ленинский ЦК эпохи Брежнева вознамерился косметически обновить фасад Еврейской автономной области. Шапиро был срочно «этапирован» из Комсомольска-на-Амуре в Москву, в Центральный Комитет, где его «отечески» пожурил главный иезуит партии М.А.Суслов – за то, что Лев Борисович не знает языка идиш. А сам товарищ Брежнев Л.И. сердечно напутствовал: «Случай чего, звони прямо мне...».

Не предполагал Лев Борисович Шапиро, что такая потребность возникнет в недалёком будущем. Непосредственный начальник его Алексей Чёрный, после Шитикова ставший первым секретарём Хабаровского крайкома КПСС, не даст ему головы поднять, будет прилюдно в привычной хамской своей манере «нравоучать», одёргивать его по мелочам. Но это в будущем, хотя и недалёком.

Уже на второй день после ритуального фарса – пленума обкома, где венчали на престол первого секретаря, Лев Борисович посетил колхоз «Заветы Ильича». У меня в дневнике указана дата этого визита: 25 июля 1970 года.

Шапиро с немногочисленной свитой вошёл в кабинет председателя. Остановился в дверях, обзрел «случайных присутствующих» и увидел меня. Расплылся в улыбке и с неистребимым и милым моему сердцу «местечковым» акцентом просто-душно воскликнул: «О! Один знакомый у меня уже тут есть!» – и, подойдя и протянув руку, осведомился: «Вы здесь постоянным сотрудником?». «И да, и нет» – уклоняюсь от объяснений. «Ну ладно, это потом», – заключает Лев Борисович и направляется к Пеллеру.

После короткого знакомства Шапиро со своими партийными соратниками, в сопровождении Пеллера и секретаря парткома колхоза Максима Григорьевича Гольдшмида, поехал на колхозные поля и фермы.

Вечером Пеллер, встретив меня, первым делом осведомился, откуда я знаю Шапиро. Я сказал, что будучи главным редактором Хабаровского телевидения, делал несколько телепередач с завода «Амурсталь». Брал интервью у Шапиро – и тогда, когда он был ещё начальником мартеновского цеха завода, и тогда, когда он стал секретарём парткома.

- И так что он за человек... на твой взгляд?
- На мой взгляд, – отвечаю, – интеллигентный человек, порядочный человек. Не хам, не арап.
- Этот бандит сломает ему позвоночник. – Мы оба знали: бандит – это Алексей Чёрный.
- Будет очень жалко.
- Интеллигентный человек может быть учитель, профессор. А на этой собачьей работе – или ты грызёшь, или грызут тебя. И ещё надо уметь лепить «франко-потолок». – По лексике Пеллера, это означает: втирать очки, писать липовые отчёты.

Пеллер привык, что на его семейных торжествах непременно присутствуют «первые лица». Подгаев – и в качестве председателя облисполкома, и в роли первого секретаря обкома – не только являлся на свадьбы дочерей и сына Пеллера. Григорий Ефимович мог и без видимого повода запросто заехать к Пеллеру домой и с ним и с его близкими основательно выпить, попеть фронтовых песен. Они обнимались дружески при встречах и расставаниях.

Шапиро дважды ещё посещал колхоз. Вникал в проблемы, обсуждал перспективные проекты, однако личной дружбы со знаменитым Пеллером не искал. Это, по-видимому, как-то задевало самолюбие Владимира Израилевича. И он решил сам сделать первый встречный шаг. 31 октября Пеллер устраивал торжественные проводы в армию сына Изи. Сам Владимир Израилевич почему-то не стал звонить Шапиро, приглашение передал через секретаря парткома Гольдшмида, может быть, чтобы было легче пережить возможный отказ. Шапиро приглашение принял без оковностей и обещал быть в условленное время. Владимир Израилевич усадил его на самое почётное место. Он был откровенно горд. Владимир Израилевич, оглядывая

гостей, как бы говорил: «Вы убедились, что при всех областных начальниках – Пеллер есть Пеллер». Была такая слабость у этого гордого, независимого нрава и отчаянного мужества человека.

Характерный эпизод. Идёт заседание правления колхоза. Главный агроном Тарасов сообщает, что на станцию Биробиджан прибыл вагон суперфосфата.

– Владимир Израилевич, – советует главбух Арон Панич, – надо, чтобы Подгаев сказал за нас слово Калягину. (Калягин – распорядитель дефицитного удобрения).

– Я как раз сегодня утром заскочил к Подгаеву, – как бы между прочим сообщает Пеллер. – Я говорю ему: на складе у Калягина видел вагон «супера». Григорий Ефимович сказал: «Этот «супер» будет твой».

И тут же, как будто этот спектакль поставил сам Пеллер, звонит телефон. Панич взял трубку. Послушал и спешно передал трубку Пеллеру: «С приёмной Подгаева».

Пеллер берёт трубку, но не прижимает её к уху, а держит на отлёте. И все слышат голос секретаря: «Владимир Израилевич, Григорий Ефимович просил вас позвонить». Пеллер коротко спокойным деловым тоном обещает: «Хорошо». И передаёт трубку Паничу.

– Что же ты не звонишь? – взволновавшись, удивляется Панич.

– Что я ему буду звонить, я знаю, что он скажет.

– Надо позвонить – из уважения, – наставляет главбух.

Пеллеру пододвигают телефонный аппарат. Владимир Израилевич набирает доверительно сообщённый ему Подгаевым прямой, минующий технического секретаря и помощника, номер первого секретаря обкома. Набрал и снова держит трубку в

метре от уха, и все, сидящие в кабинете председателя колхоза, внимают разговору двух равной ипостаси, взаимно уважаемых людей. На несколько секунд Пеллер накрывает свободной рукой микрофон на трубке, чтобы сообщить правлению: «А что я вам говорил». И напоследок Подгаеву – спокойно, с достоинством: «Да, да... спасибо, Григорий Ефимович».

Сменивший Сугробова на посту первого секретаря Биробиджанского райкома партии Василий Васильевич Павлов одно время пытался демонстрировать свой начальственный «ндрав», но очень скоро обломал зубы об своевольного председателя колхоза. Внешне Пеллер выказывал секретарю райкома полагающееся партийному начальнику почтение, но в душе считал его человеком никчёмным. Был Павлов в отличие от Андрея Алексеевича Сугробова бескультурен, груб. Речь его состояла из сплошных «значит», «это самое», «понимаешь» и набора тусклых, стандартных стереотипов, заимствованных из удручающе серой лексики партийных протоколов. Он говорил: «поросыты», беззастенчиво коверкал слова иностранного происхождения. А названия закордонных столиц чудовищно перевирал, своевольно расставляя акценты. Не был он, однако, от природы подл и по своей инициативе не гадил. Это качество Пеллер ставил Павлову в заслугу и при случае пользовался им, знал: Павлов не заложит... если нет риска самому ему пострадать.

Особые чувства Пеллер питал к секретарю райкома по пропаганде Саре Абрамовне Будницкой. Отмечал её образованность, такт, человечность. И женское обаяние. Не чужд был Владимиру Израилевичу интерес к женским прелестям. Посадив как-то на переднее место в «газике» Сару Абрамовну, заметил ей: «И зачем

ты, Сарочка, так запрятала под юбкой свои приятные коленки? Такой товар надо выставлять лицом». Будницкая смущается: «Что вы такое говорите, Владимир Израилевич...».

Одевалась Сара Абрамовна со вкусом, однако костюмы её были неизменно строгого покроя. В пути Пеллер время от времени косил глазом на облегаемую плотной тканью высокую грудь идеолога Биробиджанского района и улыбался своим загадочным мыслям. Мне потом, когда Сара Абрамовна вышла из машины и направилась в сельскую школу, Владимир Израилевич сказал: «Надо родиться в рубашке, чтобы иметь такую жену».

Но вернёмся на торжественные проводы в армию Изю. Владимир Израилевич доверял ему, пятилетнему, руль «газика». Изю водил мотоцикл, лихо гонял на машине, уверенно управлял трактором. Пеллер, однако, был недоволен тем обстоятельством, что Изю не проявлял рвения к образованию. Не был в восторге Владимир Израилевич и от ранней женитьбы сына: не встал ещё самостоятельно на ноги. Но к невестке Мире относился с добрыми отцовскими чувствами.

После весьма патристического и в меру скромного тоста-наказа «служи, как я служил», Пеллер со значением произнёс: «А теперь слово имеет первый секретарь обкома Шапиро Лев Борисович». От такого официального представления Шапиро непроизвольно поморщился: «Зачем вы так, здесь же не пленум». Он сказал это так просто и естественно, что не возникало сомнения в абсолютной его искренности. Ему действительно неловко было чувствовать себя «свадебным генералом».

Шапиро поднялся с бокалом в руке и, глядя на Пеллера и сына его Изю, сказал простые, добрые слова.

Когда компания уже была основательно подогрета, были хором спеты «Шёл со службы пограничник», «На рыбалке у реки» и другие песни из застольного репертуара, возле Пеллера и Шапи-ро образовался тесный кружок. Шапи-ро подвигает Пеллера на воспоминания о фронтовой поре: «Это правда, что командир полка просил прощение у сержанта Пеллера за «бердичевского казака»?

– Я был ещё рядовой красноармеец, – покачивая головой и улыбаясь с характерным прищуром, начинает Владимир Израилевич, – когда с пополнением попал в 210-й полк. Воронкин был тогда ещё не командир полка, а комбат, и даже не совсем комбат, а и.о. комбата. А настоящая его должность была: начальник штаба первого батальона. Я случайно попал к нему в землянку. Он на этот момент пил за упокой своего друга – комбата, убитого прошлой ночью. А тут я с моим еврейским сочувствием. Сначала он меня послал на три буквы, но потом передумал, вернул, когда я уже был около выхода. Вернул меня, значит, и интересуется моей автобиографией.

– Фамилия моя, говорю, Пеллер, имя – Владимир.

– А отчество? – интересуется.

– Отчество, – поясняю, – Израилевич.

– А профессия – парикмахер, дамский портной?

– Профессия моя – колхозный тракторист, чтоб вы не переживали.

– А на коне, – спрашивает, – верхом, значит, умеешь?

– А чего не уметь, умею.

– Так ты, оказывается, бердичевский казак?

Я хотел обидеться, но вижу – человек пьёт с горя, и стерпел.

А он меня, Воронкин этот, значит, спрашивает, как я насчёт хозвзвода. «Это мне, говорю, не подходит, – хозввод. Я на «передок» имею настрой». Это его, Воронкина, заинтересовало и насторожило. Смотрит на меня, сомневается: «А давай я тебя по блату в разведку устрою». «А чего, говорю, не пойти, вполне подойдёт – разведка». – «Значит, по рукам, и будет в нашем разведвзводе свой «бердичевский казак».

Словом, попал я таки в разведку. И неплохо у меня стало получаться. А после Сталинграда, после моего ранения, уже на Курской дуге, под Прохоровкой, поставил меня Воронкин, он на тот момент уже стал командир полка, командиром взвода. И он вызывал меня и просил: «Володя, нужен язык, позарез нужен, сделай, пожалуйста». И я делал. И не раз делал – и на Курской дуге, и в Белоруссии, и в Латвии. А под Новый сорок четвёртый год Воронкин собрал офицеров полка. И меня на вечер позвал. И перед всем офицерским собранием просил у меня прощение за «бердичевского казак».

Соколовский, секретарь Биробиджанского горкома, вдруг вспоминает: «А помнишь, Владимир Израилевич, как ты полез под лёд спасать Стремешина?». И Соколовский за Пеллера сам рассказывает: «Я точно помню, это было 15 апреля. Через Биру по льду проскочил «газик» Пеллера. Владимир Израилевич отъехал, может, уже метров пятьдесят, как послышался треск льда и крик. Это провалилась, ушла под лёд машина Стремешина. Пеллер на крик вернулся. Велел для страховки привязать себя верёвкой за ногу и, как был в одежде, куртку только сбросил, полез под лёд. Вытащили Стремешина, но было уже поздно. «Он за

рычаги зацепился», – пояснил Пеллер. – Поехали к пограничникам, попросили у них спирта растереть Пеллера, но он сказал, что спирт сильнее действует, когда внутрь его принять». – Соколовский закончил свой рассказ и оглядел нас, слушавших его, как бы спрашивая: «Правда, к месту я это вспомнил?».

– А как ты, Владимир Израилевич, бугая зава-
лил? – включился памятливым Семён Ходос, глав-
ный зоотехник колхоза и давний соратник Пеллера.

– Это когда было, что вспоминать, – вяло от-
бывается Пеллер.

Из колхозной хроники

Когда гости уже разошлись, молодёжь стала убирать со стола, я увлёк в смежную комнату супругу Владимира Израилевича Риву Иосифовну и попросил её рассказать, что за история такая приключилась с «заваливанием бугая». Рива Иосифовна была в хорошем расположении духа, спать привыкла ложиться поздно и с готовностью поведала о случае, про который в разных вариациях слышал я от разных людей. Риве Иосифовне, безусловно, была известна самая достоверная версия.

– Пеллер был тогда председатель колхоза «Эмес» («Правда»). Жили мы в селе Найфельд. Раз приходит он на обед и на него смотреть страшно. Я спрашиваю: «Пеллер, что случилось, почему на тебе лица нет, тебя опять выставили из партии?». – «Случилось то, что я больше всего боялся. Игнатий таки меня подкараулил». – «Какой Игнатий?». – «Ну, бугай колхозный». – «Так что?» – допытываюсь. – «Так пришлось его дорезать».

Рива Иосифовна вспомнила подробности. Владимиру Израилевичу в племсовхозе приглянулся бык – элита экстра-класса. Пеллер не мог насмотреться на этого благородного рыжего производителя. Всем был хорош бугай Игнатий. Однако характерами с новым хозяином не сошлись. Игнатий гонял знаменитого председателя колхоза, героя войны, на глазах у широкой колхозной об-

щественности. Пеллеру это не нравилось, но приходилось с такими отношениями мириться, поскольку основную свою работу – покрытие коров за ради улучшения племенного дела – элитный Игнатий делал безукоризненно, с большой ответственностью и подлинной страстью.

Пеллер терпел, а Игнатию не терпелось загнать героя-председателя в угол. И вот однажды под вечер рыжий разбойник застал Пеллера врасплох – потерял на короткое время бдительность бывший отважный фронтовик. Игнатий загнал его в угол скотного двора, прижал к рубленому коровнику, отрезав таким образом пути к отступлению. Изловчившись, Пеллер ухватил быка за рога. Единственная возможность спастись, не быть покалеченным – это повалить производителя на минуту-другую, чтобы успеть перескочить через ограду загона. В запале, в нервном возбуждении Пеллер не рассчитал силу своих рук и свернул Игнатию мощную шею. И бык со стоном рухнул наземь.

Рива Иосифовна, обрадованная тем, что Пеллер в этом жутком противоборстве не пострадал, тем не менее не удержалась от упрёка: «С твоими руками надо немножко больше быть осторожным, даже если имеешь дело с быком».

Бухгалтер того же колхоза «Эмес», будучи в гостях у Пеллера, рассказал, как Владимир Израилевич нашёл управу на норовистую корову. Пеллер купил её в соседнем хозяйстве. Привязал рекордистку к подводе, и так на поводу прошла она полдороги. По-видимому, принудительная эта прогулка пришлась ей не по нраву, и она заупрямилась, стала выкидывать «акробатические» номера. Пеллер всячески ублажал её, наконец ему это надоело и он связал корову, взгромоздил на воз и таким макаром доставил на ферму.

– А про сейф вам рассказывали? – войдя во вкус, интересуется бухгалтер. И, не дав мне секунды на ответ (вдруг сообщу, что уже слышал «историю с сейфом»), поспешил поведать её самолично – как непосредственный свидетель.

– Привезли, значит, из района на полуторке сейф для колхозной кассы, – растягивает удовольствие от своего рассказа бухгалтер-очевидец. – В банке, значит, это дело, погрузили его на машину на ломах. Четыре здоровых мужика. В колхозе тоже хотели с ломами управиться. Но нет у наших колхозников сноровки, какая для этого полагается. Подлаживаются и так и сяк – не пляшет. Пеллер стоит в стороне, смотрит и насмехается над грузчиками. Им, сами понимаете, обидно. И вот один из них говорит Пеллеру: «Если ты так хорошо умеешь смеяться, так, может, ты со смехом сейф этот проклятый один перетащишь?». – «Два литра спирта, мужики, с вас, – говорит Пеллер, – и бухгалтер будет свидетель, как я вам дам наглядный урок». – «Ставим четыре, – обещают, – если пронесёшь хоть один шаг». И Пеллер на горбу перетаскил в контору этот сейф. Ему, правда, с края машины ломами надвинули сейф на спину. И потом, уже в конторе, помогали поставить сейф на толстый лист железа.

– Вот такой случай был на моих глазах, – заключил «историю с сейфом» словоохотливый бухгалтер. И произнёс он это таким тоном, словно сам принимал непосредственное участие в этой операции.

С Семёном Ходосом, главным зоотехником колхоза «Заветы Ильича» Пеллера связывала более чем тридцатилетняя дружба. Впрочем, дружба эта была своеобразная. Пеллер мог при народе ругать, обвинять его во всех смертных грехах. И при этом не было такого предприятия, требующего

особого доверия, чтобы Владимир Израилевич не поручил его именно Ходосу. Семён Исаакович оскорбительные филиппики своего патрона и друга переносил с философским стоицизмом, не ввязываясь в спор, не перечил и, вместе с тем, гнул свою линию. Вообще был он человек себе на уме.

Ходос с Пеллером, как правило, оказывался в одной упряжке и потому знал в подробностях обо всех перипетиях его суровой судьбы.

Семён Исаакович рассказал мне истории из, как он выразился, «пограничного цикла».

История первая.

– Сидим в конторе, прибегают с фермы: «Товарищ председатель, стадо с нового коровника побежало на японский берег». К забору конторы был привязан председательский конь Борец, добрый такой конь, но признавал только Пеллера, своего хозяина. Пеллер – на коня и за стадом. А дело было зимой. На Амуре лёд крепкий. Нагнал он стадо, когда коровы уже потрошили «самурайские» стога сена. Пеллер быстро управился с этим делом, и стадо через полчаса уже было на нашем берегу. Японцы хотя и поздно, но спохватились. И Владимиру Израилевичу в райисполкоме сделали строгое внушение за нарушение пограничного режима.

История вторая.

– Колхоз наш перед войной много строил. И дома для колхозников, и хозяйственные постройки. Леса надо было много. Нам выписывали порубочные билеты, и мы сами – личным составом колхоза – заготавливали лес. И по течению Амура сплавляли плотами. На одном из плотов Пеллер и с ним четыре мужика, колхозники наши. Под вечер поднялся низовой ветер, и плот стало относить к японскому берегу. Членом партии среди плотогонов был наш завмехмастерской. И вот самый мо-

лодой из плотогонов, то ли всерьёз, то ли для подначки, говорит этому завмехмастерской: «Ты партбилет-то свой выбрось, а то самураи нас заодно с тобой кончат». И завмехмастерской полез за пазуху, достал партбилет, но Пеллер успел перехватить его руку. Отобрал партбилет – и себе в карман. Идут на плоту дальше. И когда уже совсем мало осталось до японского берега, подскочил катер нашей погранзаставы. Взяли плот на abordаж и повели к колхозному причалу. Вышли на берег, закрепили плот. Завмехмастерской к Пеллеру: «Отдай партбилет!». Пеллер не отдаёт. Получишь в райкоме, говорит, если найдёшь себе оправдание. Отдал партбилет, может, в двух шагах от райкома.

История третья, но не последняя.

В другой раз, вспомнил Ходос, плот наш колхозный таки прибило к японскому берегу. Арестовали, поставили часовым молоденького солдатику. Ночью смена караула задержалась, и сон сморил того японского часового. Пеллер говорит своим колхозникам: «Вы меня прикройте, я тихо спущусь с плота и сколько можно пройду под водой». «Иди, – говорят, – выручай нас, председатель». Сполз Пеллер с плота, ушёл под воду и выплыл как можно дальше. И до самой заставы нашей плыл уже у советского берега. Прожектор пограничный высветил его, и тут же лёгкий катер пошёл встречно. Старший наряда посветил фонариком, узнал председателя колхоза и спрашивает: «Откуда же вы это плывёте?». Пеллер назвал ориентиры. «Так вы же километров, считай, тридцать отмахали». «Точно, руками отмахал, – соглашается Пеллер, – правда, по течению».

От Ходоса узнал я, как Пеллер стал председателем колхоза «Заветы Ильича». До него верховодил в Валдгейме бывший директор МТС Фельдман. На колхозном собрании председателем кол-

хоза рекомендовал его секретарь обкома – «сельхозребе», как именовали его в обиходе. Это происходило в ту пору, когда самостоятельный реформатор Хрущёв поделил парткомы на промышленные и сельскохозяйственные. Колхозное собрание рекомендацию «сельхозребе» встретило дружными аплодисментами. На этой благодушной волне объявляется, что за новым председателем жалуют приданое – автобус. И новый всплеск аплодисментов.

Проходит месяц, и автобус этот, почти совсем ещё новый, реквизируют.

Фельдман в первый же день своего правления решает перенести «столицу» колхоза – центральную усадьбу – из Валдгейма в штаб-квартиру МТС.

Не успели. Очень скоро колхозники разочаровались в своём избраннике. Бухгалтер Арон Панич оспаривал, а то и вовсе игнорировал его распоряжения.

Между тем к Пеллеру время от времени направляются «ходоки» с просьбой возглавить пригородный колхоз «Заветы Ильича», созданный евреями-первопоселенцами ещё Биробиджанского национального района – до образования ЕАО. Делегации колхозников-челобитников стучались и в кабинеты обкома-райкома. И верховное начальство решило уважить просьбы низов. А колхозники сочли за честь иметь своим предводителем героя войны и рачительного хозяина.

Не всем, однако, пришёлся по нраву новый председатель. Шофёры так и вовсе объявили бойкот. При Фельдмане за каждую езду платили им наперёд. Пеллер поломал эту практику: сначала сделай работу, потом получай плату. Водители стоят на своём, Пеллер не поддаётся напору. Неподъемные грузы перевозят на тракторных тележках. И ещё – на военных грузовиках, Пеллер на

этот счёт договорился с воинской частью, дислоцированной под Биробиджаном.

Слабее нервы оказались у шофёров.

Не выносил, презирал Пеллер сачков и рвачей. И с трогательной заботой относился к работягам, «которые пашут». «Пахарями» называл он не обязательно механизаторов. К ним, к «пахарям», причислял и скотников, и овощеводов, и инженера-строителя Абрамовича. «Мишпухой пахарей» именова́л Владимир Израилевич семью Ихила Рака. «Вот про кого надо писать в газеты и показывать по телевизору», – наставлял меня Пеллер. И сам же принялся рассказывать об этом колоритном семействе.

– Ихил в Валдгейме – из самых первых переселенцев. В селе было тогда полдесятка мазанок. Когда в колхозе – он тогда так и назывался «Валдгейм», – появился первый трактор «Фордзон», никто не мог с ним управляться. Ихил Рак в Бердичеве был балагулой-извозчиком. «Давай попробую я», – говорит Ихил председателю Хаиму Школьнику. «Почему не попробовать, если трактор всё равно стоит холостой», – рассудил философ-председатель.

Ихил Рак раздобыл в Биробиджане учебник. Однако сам читать по-русски не умел. И на подмогу пришлось звать верную свою половину Хаю Давыдовну. Жена читала вслух описание узлов и деталей, правила эксплуатации трактора. Ихил слушал и старательно заучивал. А по практическому управлению трактором взял Ихил несколько уроков у механика из «Агро-джойнта». А когда колхозу выделили по развёрстке «ЧТЗ», Ихил быстро освоил этот первый советский гусеничный трактор и корчевал им тайгу – под поля, огороды, стройплощадки.

Сам – неграмотный, а дети его кончили институты. Старший, Саша, стал инженер-конструктор,

Бетя – экономист, Фима – ветврач, Арон – агроном, Борис – инженер-механик, Роза – директор Дома культуры в Валдгейме.

Пеллер берёт с меня обещание написать о семье Раков.

– Сейчас я тебе расскажу про то, как безграмотный Ихил Рак уделал главного инженера облзо – начальника над всей техникой, какая есть в сельском хозяйстве области, – Пеллер про других рассказывает с воодушевлением. – На всю область выделили два пресс-подборщика. Не буду тебе открывать секрет, как один из них оказался у нас в колхозе, но мы не можем нарадоваться на эту машину. Работает за две бригады мужиков. В сутки пакует полтыщи тюков сена. Но радовались меньше недели: сломался пресс-подборщик. Я через обком выхлопотал главного инженера облзо. Ты не поверишь, полтора месяца он с ним, с пресс-подборщиком, обнимался и поднял руки вверх.

Собираю «совет мудрецов».

Сёма Ходос советует: «Позови Ихила Рака». Панич напоминает: «Он же инструкцию не прочитает». – «Зато у него голова выросла там, где нужно», – считает Ходос. Я сам еду за Ихилом. Говорю: «Даю тебе, Ихил, месяц – больше не могу, трава пожухнет – и можешь себе в подсобники взять любого механика с колхоза». – «Не надо мне механика, дай мне моего Бориса. И я хочу надеяться, месяц мне даже будет много». Ихил уехал на сенокос с первой колонной техники. Вторую колонну вёл Борис и приехал на стан только под утро. Ихил напустился на сына, почему задержался. Борис буркнул, что тоже не валялся на печке. Но объяснять не стал. А причина, почему задержался, стоила Борису ведро крови. На сенокос – в Головино – технику и людей переправляли через Биру на пароме. Так пацан-тракторист промазал и вместо

парома попал в речку. Надо было сначала его вытащить, а потом и трактор.

Ихил дал Борису поспать час или полтора, и они пошли к «больному» пресс-подборщику. Борис читает инструкцию, а Ихил руками мацает, где «ведомая звёздочка», а где «пружинные пальцы». Самое трудное было разобраться с вязальным аппаратом. Десять дней промучились с этим калечным пресс-подборщиком и таки заставили его работать. Ихил с Борисом вкалывали по восемнадцать часов. Спали в палатке возле агрегата этого, ели на ходу.

Я всё время держал на контроле ход ремонта. И вот передают записку. Написал Борис, а Ихил свою закорючку приставил: «500 тюков за смену, председатель, тебя устроит?».

– Это я тебе только один пример рассказал про эту «мишпуху пахарей», – говорит Пеллер, – а ты сам остальное всё выпроси. Ещё тебе мой наказ: познакомься близко с семьями Фани и Миши Файманов, Рахили Фрейдкиной, Баси Пискун, Ривы Ващиникиной, Гриши Гершова, Белы Копыловой. Не потому, что они заслуженные и почётные, а потому, что таким людям Бог дал жизнь, когда был в хорошем настроении. И не пожалел для них ум, совесть и сердце.

В те 70-е годы было в моде проводить вечера чествования ветеранов, лучших работников. Пеллер не давал указаний, кого чествовать, а своё отношение выражал тем, что либо приходил на тот или иной вечер, либо под любым предлогом отказывался от участия. Скуповат был на похвалу Владимир Израилевич.

Когда я сказал Пеллеру, что на следующий день состоится «вечер-портрет», на котором будут славить Хану Молчанову, Владимир Израилевич

попросил меня: «Напомни завтра с утра и после обеда не дай мне забыть».

Он пришёл на вечер с пятиминутным опозданием, но зато с подарком «от себя». А от колхоза Хане преподнесли платье-костюм, модную косынку и духи.

Сегодня можно внаглую иронизировать насчёт подобного рода мероприятий, находить в них густой налёт формализма. Но я свидетель того, как искренне были взволнованы герои таких «вечеров-портретов», как благодарны они были за внимание, душевные слова.

Импровизированный «доклад» взяла на себя Фаня Файман – член комитета Советских женщин. Напомню, в ту пору авторитетный тот комитет возглавляла первая женщина-космонавт Валентина Терешкова.

Я видел, как волновалась сама Фаня в этой своей роли ведущей. Простыми, добрыми словами рассказала она о том, как сложилась жизнь у Ханы Молчановой. Родилась Хана в сибирском селе Захарово Красноярского края, в семье евреев-крестьян. Отец её Зиновий был кузнецом. Когда Хане исполнилось четыре года, умерла её мать. С 13 лет пришлось зарабатывать свой хлеб. Муж, призванный на фронт, оставил её с тремя малыми детьми. Четвёртый ребёнок родился на третьем месяце войны, когда в дом Ханы Молчановой пришла «похоронка». Одна вырастила детей, всех поставила на ноги.

Уже после войны переехала Молчанова в Валдгейм. Здесь доработала до пенсии и продолжает работать в овощеводстве.

Пеллер похвалил организаторов мероприятия. Он считает, что такие вечера чествования на поль-

зу не только ветеранам, но и молодёжи. А героине вечера сказал: «Если б не было таких людей, как ты, Хана, мы бы войну проиграли». И что по его, Пеллера, мнению, в Берлине, в Трептов-парке, надо дополнить знаменитый памятник: рядом с солдатом-победителем должна стоять женщина-победитель, которая держала на себе тыл.

На очередном «совете мудрецов» колхоза Владимир Израилевич выдвигает на обсуждение проект строительства птицефабрики. С главным колхозным строителем Абрамовичем он уже всё обмозговал и заранее уверен: проекту гарантировано «полное и единодушное одобрение». Но проформы ради «разводит демократию», как характеризует процесс обсуждения Борис Рак.

Аргументы и цифры в самом деле впечатляют. Годовая мощность птицефабрики 15 миллионов яиц. Этого хватит, чтобы обеспечить потребности всего Биробиджана. Через год птичье поголовье заменяется, и в итоге получается 50 тонн деликатесного мяса. По расчётам Пеллера, строительство птицефабрики должно окупиться менее чем за два года.

И второй проект: строительство парникового хозяйства на 600 рам. С электрическим обогревом и максимальной механизацией работ. Лебёдка за раз открывает 20 рам. Пеллер смотрит на Абрамовича: «Я что-нибудь напутал?». – «Никакой ошибки. Всё, как вы сказали», – заверяет Абрамович.

– И надо там построить 48-квартирный дом, – предлагает парторг Гольдшмид.

Пеллер согласен. И добавляет: «А первый этаж отдать под детский сад».

И третий проект: освоить за речкой Бирой новые посевные площади. Накануне мы с ним были на этих землях. Владимир Израилевич оставил «газик» на обочине дороги и пошёл по пустырю.

– Убрать плугом корчи, пустить дисковые бороны, ещё раз перепахать – земля будет, как сметана. И место красивое, – говорит Пеллер, – позавчера здесь всё было голо. Прошёл дождик, и смотри какая красота.

Пеллер потрогал рукой черёмуховые деревца и расчувствовался: «У меня от этого запаха голова пьяная делается».

«Совет мудрецов» дружно, «целиком и полностью» за реализацию всех трёх проектов. Свое мнение, как всегда, обнаруживается у главбуха Панича: «Было бы совсем замечательно, если бы ты, Владимир Израилевич, сказал, откуда, с какого неба упадут на колхоз деньги».

– Кредиты, Арон, это не деньги? – Пеллер с вызовом смотрит на главбуха.

– Во-первых, кредиты – это чужие деньги и их надо отдавать, – рассуждает Панич, – когда-нибудь. А во-вторых, никто не даст таких кредитов, чтоб хватило на весь этот «холоймес».

– Чужой человек послушает тебя, Арон, и подумает: деньги для колхоза достаёт Панич, а тратит Пеллер.

– Ты Расскажи ещё про свой колхозный молокозавод, – подзадоривает председателя Панич.

– Арон, тебе нравится, что гормолзавод платит колхозу за литр молока 23 копейки, а сам продаёт в магазин за 45? – задетый за живое, Пеллер возбуждается. – Гормолзавод набивает себе карман за счёт тёмного колхозника. А я хочу сам прода-

вать молоко в магазине, и чтобы доход шёл в колхозную кассу.

Забегая вперёд, отмечу, что осуществить Владимиру Израилевичу удалось лишь проект строительства птицефабрики. Не успел...

– Районная сводка хода посевной, – сказал главный агроном Тарасов, – хромает на обе ноги. Звонил сначала из райкома Павлов, потом несколько раз звонил предрайисполкома Кириллов.

– Ну, так что, будем сеять? – прищурясь, смотрит на главного агронома председатель.

– Я считаю – нельзя.

– Я тоже. Что будем делать?

– Вы же рассказывали, как сеяли по грязи.

– Когда это было – двадцать лет назад...

Я слышал об этом рискованном эксперименте от Семёна Ходоса.

Дело было в 1948 году. На колхозных массивах, в районе кирпичного завода надо было посеять 800 гектаров пшеницы. А весна выдалась промозглая, сырая. Едва проглянет солнышко и запарит поле, как небо набухнет тёмными низкими тучами и то ли дождь польётся, то ли снег повалит.

А время истаивает, как сугробы в мае. Пеллер понимает: дальше ждать погоды – потерять всё. И он распоряжается: снять с сеялок диски и высевать зерно непосредственно на поверхность почвы. Свой колхозный сексот «стукнул» в обком. И незамедлительно прискакал в колхоз первый секретарь обкома Бахмутский. «Это правда, Пеллер, что ты угробил семенной фонд?» – с порога набросился на председателя Бахмутский. «Не угробил, а посеял», – старается держаться уверенно Пеллер, но у него плохо получается.

Бахмутский требует выехать на поле. Приехали. Не надо было далеко отходить от просёлка, картина была ясна и с близкого расстояния.

– Пеллер, – глухо проронил Бахмутский, и от лица его отлила кровь, – от этого поля идёт запах тюрьмы. Это могут расценить как вредительство.

– Тюрьма от меня не убежит, но если подождать хотя бы две недели, может быть, меня не надо будет судить как вредителя.

– Ты даёшь гарантию, что через две недели будет другая картина?

– Гарантию может дать только Он, – и Пеллер выразительно глянул на небо.

– Ой, как не хочется, чтобы ты вляпался, Володя, – Бахмутский впервые назвал Пеллера по имени. Постоял ещё какое-то время на краю дороги, оглядывая поле, разграфлённое строчками свежесейанных на поверхность земли семян, и обречённо выдохнул: «Если через две, максимум три недели не будет оттуда амнистии, – Бахмутский, как и Пеллер, тоже поднял голову к небу, – нам с тобой обоим будет... страшно подумать, что нам будет...».

Пеллер рассчитывал: зерно полежит под потеплевшим небом, прогреется, прорастёт, и когда подсохнет земля, можно будет пустить бороны.

А тут, как назло, дожди стали заливать поле. Извёлся Владимир Израилевич. За себя, а главное за Бахмутского. Но вышла-таки от Бога амнистия: три дня кряду постояла погода, поле подсохло и боронами успели заделать семена в землю.

Бахмутский больше не стал приезжать в колхоз. Из других источников – не от Пеллера – узнал он, что поле пшеничное сплошь покрылось зелёными всходами.

Везению Бахмутского суждено было кончиться через год с небольшим. В газете «Правда» было опубликовано постановление Политбюро ЦК от 25 июня 1949 года «Об ошибках секретаря обкома ЕАО Бахмутского и председателя облисполкома Левитина». Обоим инкриминировали проявление буржуазного национализма. По сфабрикованному делу они были брошены в тюрьму и ещё два года ждали своей казни.

Пеллер не стал посвящать главного агронома Тарасова в обстоятельства рискованного эксперимента двадцатилетней давности.

– Может, всё же рискнём, – предложил Тарасов.

– Нет, не стоит, Миша, раз на раз не приходится. – И, помолчав недолго, резюмировал: – На сводку меня работать не заставит даже прокурор.

Кому быть преемником

Экстраординарное заседание правления колхоза. Этот день у меня помечен в дневнике – 10 апреля 1970 года. Пеллер ставит вопрос о престолонаследии:

– Я не вечный, ну ещё год, ещё два... Надо посоветоваться, на кого передать колхоз.

– Нужно выбрать заместителя, – высказывается Семён Ходос, который первым узнаёт про все закулисные переговоры. Знает он и о кандидате в замы. И Ходос его называет: – Я предлагаю Арона Рака.

Экспансивный Арон пытался было взять демонстративный отвод, но Пеллер довольно бесцеремонно оборвал его.

– Если у вас не лежит сердце к Арону, – оглядев своих соратников, раздумчиво произносит Владимир Израилевич, – не делайте мне одолжение, назовите другого человека. – Пеллер прошёл в дальний угол просторного председательского кабинета, щёлкнул выключателем. Помещение озарилось мягким рассеянным светом. – Я ждал: кто-то скажет про характер Арона. Но никто не хочет наступить ему на мозоль. Тогда это сделаю я. Характер у тебя, Арон, не лучшей пробы золота. Это говорю тебе я, который в два раза старше тебя и который за свой, тоже не золотой характер имел кучу неприятностей. Если я видел, что человек делает работу хуже, чем я, у меня переворачивалось сердце, и я ему говорил не самые хорошие

слова. Ты с меня, Арон, не бери пример. Я только недавно понял: никто не любит слышать про себя плохое. А главное – от того, что накричишь на человека, он не станет лучше. И работу свою он не захочет делать лучше. Но если ты хочешь, чтоб выиграло дело, говори ему, что сегодня он эту работу делает лучше, чем вчера, а завтра, ты уверен, никто с ним не сможет сравняться. Я за эту науку, Арон, заплатил мешок здоровья.

При этих словах переглядываемся с Максом Гольдшмидом. Дело в том, что буквально за неделю до этого заседания правления мы с Пеллером возвращались с площадки строящейся птицефабрики. Мы о чём-то переговаривались с Максом на заднем сидении «газика», а Пеллер сосредоточенно молчал. Вдруг он резко затормозил, выскочил на дорогу и вытащил из кабины трактора пьяного механизатора. Одной рукой он держал этого незадачливого тракториста, а второй потрясал своим бумажником: «На тебе пятьсот, шестьсот, тысячу рублей, купи мне новый диск!».

Мы с Максом кинулись их разнимать. Макс оторвал пьяного механизатора и подтолкнул в спину: «Пшёл вон, скотина!».

Пеллер ходил вокруг тракторной тележки, наполненной семенами сои, и страдальчески осматривал колёса. На двух колёсах спущенные баллоны превратились в мочалу, и вся нагрузка легла на диски. Диски были покорёжены и вряд ли подлежали восстановлению.

Нам не скоро удалось успокоить председателя. «Их же, эти диски, за золото не купишь... Я сколько кровью харкал, пока эти диски выклянчил в «Сельхозтехнике».

Мы жили в стране тотального дефицита. Одни из-за этого страдали, изводились от беспомощности, унижения. А другие, кто состоял в распреде-

лителе дефицита, кормились от него всласть. Пеллер тратил на добывание запасных частей к сельхозтехнике, удобрений, пестицидов, стекла, кровельного железа, наверное, половину своего бесконечного рабочего времени. И мучительно переживал неудачи на тернистом пути «выбивания» дефицита.

Была поэтому понятна взрывная реакция председателя на злостное разгильдяйство, расхлябанность, порчу техники.

Завершив воспитательную часть своего выступления на том заседании правления, Пеллер ещё раз переспрашивает собравшихся: или имеются другие кандидатуры? Других мнений не выявилось, и Владимир Израилевич обратился к Арону: «Ты что-то хотел сказать?».

– Да, я хотел сказать, – замялся Арон, – конечно, если честно, то я не дорос. Но если годик поработать рядом с таким руководителем, как Владимир Израилевич, можно смело идти на директора совхоза.

Таким манером Арон и скромность проявляет, и на место Пеллера как бы не претендует.

Владимир Израилевич ставит на голосование кандидатуру Арона Рака – лучшего бригадира комплексной бригады, по существу, всего хозяйства центральной усадьбы колхоза. Против голосует один Макс Гольдшмид.

Между тем Пеллер всё чаще вынужден отрываться от исполнения своих непосредственных обязанностей. Его выдвигали делегатом на Всесоюзный съезд колхозников, членом Центральной избирательной комиссии по выборам в Верховный Совет РСФСР. Владимир Израилевич немного лукавил, отговариваясь от разного рода почётных миссий. На самом деле ему было приятно сознавать, что ценим, уважаем и на виду. Он из Москвы

звонил в колхоз, спрашивал, как идут дела, и принимал оперативные решения.

Наделённый Господом и родителями недюжинной силой и крепким здоровьем, он стоически сопротивлялся хворям, но когда это становилось невмоготу, томился вынужденным бездельем.

В один из дней, когда Владимир Израилевич не вышел на работу, я позвонил его жене Риве. «Пеллер лежит, как неживой», – услышал я на другом конце провода. Прихожу к Пеллерам. Владимир Израилевич лежит поверх одеяла в мятом спортивном костюме, купленном в Москве. Лицо мертвенно бледное. Промакает полотенцем выступающий на лбу пот и кашляет непрерывно раздирающим душу кашлем.

Суббота – нерабочий день в медпункте Валдгейма. Дозваниваюсь до Биробиджана, до областной больницы. Приехал врач, снял кардиограмму. Это такой грипп тяжёлый, считает областной целитель. Поставили Пеллеру банки на спину, дали таблетки. Вечером напоили чаем с малиной. Пьёт и захлёбывается. Поднимается, идёт, держась за стенку, выходит на улицу. Через время возвращается ещё более бледный. Жалуется: «Вывало меня, наверно, от этих таблеток. Я их раньше всегда выбрасывал – и в полевом медсанбате, и в фронтовом госпитале. Мой желудок хочет другой рецепт».

На третий день Пеллер пришёл в свой рабочий кабинет. Одет в франтоватый болоньевый плащ до колен и тесный в плечах. А на обочинах дорог ещё держится снег.

Лицо бледное, отёчное, дышит натужно. Спрашиваю: «Температуру сегодня мерили?».

– Как-то не пришло в голову вспомнить про температуру. У меня голова от другого болит: где перехватить кредиты на новые парники...

Депутат Верховного Совета

В апреле 1966 года на XXIII съезде партии Пеллер был избран членом Ревизионной комиссии КПСС. С той поры Владимир Израилевич регулярно получал приглашения на пленумы, его включили в различного рода высокопоставленные комиссии. Москва, верховный штаб КПСС, посылал в его адрес «правительственные пакеты».

Я как-то обратил внимание, что Пеллер не раскрывает, не распечатывает их.

– Почему вы не читаете почту ЦК? – спрашиваю в подходящий, как мне казалось, момент.

– Ты считаешь, там есть что-то новое? – вопросом на вопрос отбивается Пеллер. – Или там есть финансирование на новое жильё для колхоза?

Я не удовлетворился ответом, и Владимир Израилевич вдруг предложил: «Может быть, тебе интересно, так забирай эту «матату» себе».

Так я стал читателем почты ЦК КПСС. Редкая бумага в ней не была помечена грифом «секретно». Я пытался пересказать Пеллеру содержание этой документации, но Владимир Израилевич, слушая меня, одновременно занимался практическими делами: подписывал челобитные в распределители сельхоздефицита, бухгалтерские бумаги, звонил по телефону. Мой «доклад» входил у него в одно ухо, а выходил в другое.

Привыкнув к этой моей роли неназойливого информатора, Владимир Израилевич впоследствии, после избрания его депутатом Верховного Совета СССР, переложит на меня делопроизводство – писать запросы в инстанции, отвечать на

письма избирателей, в общем, полностью секретарские обязанности. На общественных началах, разумеется.

Но я забежал вперёд. А начало депутатству Пеллера было положено сразу после майских праздников 1970 года. Владимира Израилевича пригласили сначала в обком, где ему конфиденциально сообщили: «Есть мнение избрать вас депутатом Верховного Совета СССР». Пеллер дал принципиальное согласие, и далее ему предстояло «пройти собеседование» в крайкоме партии. На этом инструктаже выборы фактически завершились. А собственно представление с участием «широких масс избирателей» было унылым, до крайности заформализованным действием. Одна утеха – пиво, колбаса, московские конфеты в буфете избирательного участка и художественная самодеятельность хора ветеранов.

По конституции каждая нацреспублика, каждое автономное образование делегировали в Совет национальностей Верховного Совета строго определённое количество своих представителей. На ЕАО приходилось пять депутатов. По развёрстке Секретариата ЦК КПСС, Еврейской автономии надлежало избрать двух евреев и трёх представителей других национальностей. Поскольку с 1952 года (после расстрела первого секретаря обкома ЕАО Бахмутского) по 1970 год главными партийными начальниками области были русские, Москва (по квоте, установленной для евреев) рекомендовала избрать в состав Совета Национальностей одного столичного «большого еврея». Таким был Вениамин Эммануилович Дымшиц. Советский энциклопедический словарь характеризует его следующим образом: «сов. гос. деятель, Герой соцтруда, член КПСС с 1937. С 1962 зам. пред. СМ СССР, одновременно с 1962 пред. Госплана, с

1962 – 65 пред. СНХ, в 1965 – 1976 пред. Госснаба СССР. Член ЦК КПСС с 1961. Депутат ВС СССР с 1962. Госпремии (1946, 1950)». Стараясь польстить моему национальному самолюбию, секретарь одного из райкомов Хабаровска рассказал про Дымшица такой характерный эпизод. Якобы Дымшиц, курировавший строительство Бхилайского (в Индии) металлургического комбината, при докладе Хрущёву об успешном ходе сооружения этого гиганта чёрной металлургии доверительно сообщил «щирому Генсеку», что в Индии к советским строителям относятся самым доброжелательным образом. Всё хорошо, одно неважно: нет там райкома партии, куда можно прийти и запросто посоветоваться о главном.

Так вот, кроме Дымшица, область могла выставить ещё одного еврея. Существовала при этом очерёдность: сначала выдвигался городской рабочий, а в следующем созыве, через четыре года – колхозник. До Пеллера депутатом Верховного Совета СССР была Рива Евсеевна Вишникина, бригадир овощеводов из Валдгейма.

Когда в партийных инстанциях «выборы» Пеллера состоялись, меня вызвали в Биробиджанский райком и сообщили о высокой партийной миссии: я назначаюсь, то есть меня изберут, доверенным лицом кандидата в депутаты Верховного Совета Владимира Израилевича Пеллера. Я, естественно, не отказываюсь, и вот после рутинного церемониала выдвижения, 18 мая 1970 года в Валдгеймском Доме культуры состоялась официальная встреча с кандидатом.

Открывает встречу Семён Ходос и предоставляет слово мне. Я рассказываю официальную биографию Пеллера, присовокупляя штрихи к портрету кандидата, инициативно добытые мной в архиве Министерства обороны, в областном ар-

хиве и подшивках областных газет. Я говорю, что всей Еврейской автономной области и нашему колхозу в частности сильно повезло, что нам предоставлена возможность иметь своим представителем в высшем органе государственной власти нашего легендарного председателя. С не менее панегирическими речами выступают учитель Валдгеймской школы Илья Вениаминович Шохтов, колхозный механизатор Владимир Сергеевич Дмитриев, врач Татьяна Львовна Школа, учительница Светлана Георгиевна Герасевич, овощевод Галина Павловна Калинина, директор Валдгеймского детского дома Ефим Евсеевич Койсман и в завершении – Семён Исаакович Ходос.

С ответным словом выступил Владимир Израилевич.

Собрание избирателей даёт кандидату в депутаты наказы, которые были заблаговременно согласованы с инстанциями.

Через два дня по графику – встреча с избирателями в областном отделении «Сельхозтехники». Пеллер с «газика» пересел на «Волгу».

– Слушай, ты читаешь все газеты, – затевает разговор Владимир Израилевич, – был когда-нибудь случай, чтобы кандидат провалился на выборах?

– Сколько угодно, – отвечаю, – только не у нас, а в Америке, Англии или, допустим, в Люксембурге. Они там считают, что одного кандидата в депутаты выдвигать мало. И за одно место в парламенте дерутся пять или даже десять кандидатов. А вы один, кто вам может помешать?

– Ты считаешь, что это плохо?

– Я считаю, что это не выборы.

– Я тоже. Но я согласился: может, будет польза для области, для колхоза, для людей. Может,

кому-то место в садике выбью, кому-то телефон, а кому-нибудь даже квартиру.

– Это так, конечно. Но депутат должен делать законы, законы, которые так устроят жизнь, что не будет дефицитом телефон, что на всех хватит мест в детсаде. И квартиры люди будут ждать не двадцать лет, а год-полтора. А может, совсем ждать их не надо будет.

– А где взять на всё это деньги? Государство – не дойная корова.

– Деньги должны быть у людей. Надо дать людям хорошо зарабатывать.

– Ты говоришь, как говорил в Москве на лекции такой лектор ЦК по фамилии Яковлев.

– У нас больше половины бюджета идёт на оборону.

– А ты считаешь, мы должны быть слабей, чем Америка?

– А мы должны быть сильнее?

– Слушай, – повернулся ко мне Пеллер, однако не выпуская из-под контроля дорогу, – откуда ты всё это знаешь – что должен делать депутат, сколько надо платить за работу? Ты слушаешь «вражеские голоса»?

– Слушаю. Ночью. Только всё равно забивают «глушилки», но ночью всё же меньше.

– Я одно должен пробить – кровь из носа, – возбуждённо проговорил Пеллер. – Я должен добиться, чтобы финансирование шло на область отдельной строкой. И тогда этот бандит Чёрный не сможет так грабить область. Мне Подгаев говорил: он хотел пробить такое финансирование для области, но Чёрный его задавил. Он всех давит. А я один раз послал его матом. Я знал: мне за это будет кисло, но я не мог себе отказать это удовольствие. Он сначала не понял, кого я послал. «Ты это, – спрашивает, – первого секретаря обкома,

кандидата в члены ЦК посылаешь?». Я говорю: «Если хочешь, я пошлю тебя не только в твоём кабинете, я тебя пошлю ещё дальше на собрании актива. Я таких, как ты, потрох вонючий, на фронте... без суда и следствия...».

Пеллер в этом возбуждённом состоянии едва не наехал на подгулявшую компанию, выяснявшую отношения посреди дороги.

— Он мне это запомнил. Он мне так запомнил, что меня на работу не хотели брать даже сторожем. Он не сразу меня снял с директора совхоза. Он выждал момент, чтобы засадить нож до самой печёнки. Правда, я перед этим успел на областном активе ему тоже хорошо врезать. Мы поквитались. Он через годы был против, чтобы меня в Ревизионную комиссию партии назначили, но первый секретарь крайкома был Шитиков, и он не послушал Чёрного. Шитиков чувствовал носом, какая это падла — Чёрный. И в депутаты он бы меня зарубил, но ему из ЦК заткнули, сказали: не гоношись, Пеллера уже в Секретариате согласовали. Это мне по дружбе Подгаев рассказал.

Мы подъехали к конторе «Сельхозтехники» в условленное время — без пятнадцати шесть. В красном уголке собрали человек около ста.

Процедура повторилась: доверенное лицо представил кандидата в депутаты. Выступили пять человек, в том числе начальник областного отделения «Сельхозтехники». Недолгую речь держал Пеллер. Приняли наказания. Начальник пригласил к себе в кабинет. Выпили «по граммочке», и мы поехали домой в Валдгейм.

Я давно обратил внимание: после выпивки — лёгкой и «полусредней» — привычно садились за руль. Сам председатель, главные специалисты колхоза, не говоря уже о рядовых колхозниках. И это приводило к трагическим последствиям.

Однажды на сенокосе в районе села Головино подобралась тёплая компания, в том числе начальник местной погранзаставы Сергеев. Пеллер сам выпил и понуждал выпить своего водителя Кима Школьника.

– Налей ему, Иван Семёнович, – велит пограничнику Владимир Израилевич.

– Не надо, – отбивается Ким.

– А то скажешь: начальники сами пьют, а мне запрещают.

На обратном пути Пеллер, успевший малость подремать, протирает глаза: «Ким, автоинспектор тебе не попадался?».

– На мою голову? – уточняет водитель.

– А на чью же ещё...

Секретарь райкома Сара Абрамовна Будницкая извещает меня, что я утверждён уполномоченным райкома по выборам и в мою обязанность входит обеспечить максимальную явку на избирательные участки наших колхозников.

Я поездил по бригадам, поагитировал. Возвращаюсь в Валдгейм к полудню, председатель участковой избирательной комиссии Койсман докладывает: «В 11 часов я отчитался наверх за сто процентов: 608 проголосовали по спискам и 21 по удостоверению».

Потом один из членов избирательной комиссии рассказывал, что перед самым закрытием избирательного участка «для выполнения своего гражданского долга» явился валдгеймский сапожник. С глубокого похмелья. Ему выдали в руки бюллетень, подвели к урне. Сапожник с первого раза не попал бюллетенем в щель урны, промазал. Вторая попытка тоже оказалась неудачной. Пришлось прийти на помощь. Жаль, нельзя было доложить районной избирательной комиссии о рекорде – перекрытии стопроцентной явки избирателей.

Как я не стал парторгом у Пеллера

9 мая 1970 года. 11 часов. У мемориала павшим на фронте жителям Валдгейма – митинг. Для участия в торжествах на военных машинах прибыли воины Биробиджанского гарнизона.

Первым речь держит Владимир Израилевич. Он называет поимённо всех, кто не вернулся в Валдгейм с войны. Говорит, что в землю легли самые храбрые, отважные, принявшие на себя смертельный удар врага. И праздник Победы завоевали именно они. В колхозе заботятся о семьях фронтовиков – это святой долг перед памятью павших.

После Пеллера выступают полковник Новиков, бывшие фронтовики. Митинг закончился, но люди не расходятся, у прошедших войну на пиджаках, платьях, кофтах – боевые награды. Надели праздничные пиджаки, украшенные орденами и медалями, Вищиникин, Мицель, Панич, Шохтов. Мать Ривы Вищиникиной, слышу, говорит полковнику Новикову: «Два сына моих не вернулись с войны».

В скверике, неподалеку от памятника расположились приятели: Васька-инвалид и скотник Нёма. На газете, расстеленной на земле, – огурцы, луковицы, хлеб и бутылка. Подхожу поближе, чтоб услышать, о чём разговор двух этих дружков-бедолаг. Постояв так некоторое время, выделил из диалога: «А помнишь, Нёма, комбат Веремеев говорил: – За таких людей мир Россию уважает. – Это за таких, как мы с тобой, Нёма».

Вечером у Пеллеров праздничный ужин. Владимир Израилевич рассказывает, как из-за пьянства гибло на фронте много людей. Пьяные командиры бросали под прицельный огонь немцев целые батальоны, наши артиллеристы нередко стреляли по своим, на поле боя оставляли раненых. А сколько убитых остались гнить в болотах Смоленщины! Тысячи и тысячи «пропавших без вести» так и не похоронили, как людей...

Рива, жена Владимира Израилевича, говорила мне, что какое-то время от Пеллера не было писем с фронта, потому что он «был в штрафниках».

От разных людей слышал я про штрафбат самые невероятные истории. Говорили, будто бы Пеллер отпустил пленного «языка», объяснявшего, что он многодетный и к тому же из рабочих или даже немецкий коммунист. Рассказывали, что в штрафбат спроводили Пеллера за то, что избил командира взвода, назвавшего Владимира Израилевича жидом. А один из офицеров Биробиджанского военкомата, давший мне для ознакомления личное дело младшего лейтенанта запаса Пеллера, похвалялся, что только он один знает, за что Владимир Израилевич угодил в штрафники. За то, что стрелял в старшего лейтенанта контрразведки СМЕРШ. А стрелял потому, что старлей тот сказал про генерала Якова Крейзера, еврея по национальности, что Героя Советского Союза дали тому незаслуженно. Что бросил он свою дивизию в окружении и на самолёте драпанул в Москву – к своим корешам-евреям, окопавшимся в генеральном штабе. И вообще евреи – прислужники империализма. Они в первую мировую войну шпионили в пользу Германии, за что многих царская контрразведка расстреляла. Они, евреи, и в первые дни Отечественной войны наводили немецкие бомбар-

дировщики на советские аэродромы – давали ночью сигналы вражеским самолётам.

Между тем, про полковника Крейзера Пеллер сам читал в газете «Красная звезда». И там рассказывалось, что это один из лучших советских командиров дивизий. Недаром ему одному из первых – через месяц после начала войны – присвоили звание Героя Советского Союза. А что касается еврейских шпионов, которые работали на немцев, то это абсолютный бред.

В общем, стрелял Пеллер в того старлея из СМЕРШа, но не убил и даже не ранил. А просто, чтоб тот почувствовал страх смерти. Судил Пеллера военный трибунал. Могли присудить к расстрелу, но Пеллер к тому времени уже был прославленный разведчик, и потому сделали ему поблажку – отправили в штрафбат, где был он ранен, после чего вернулся в свою родную часть.

Сам Пеллер избегал разговоров о своём пребывании в штрафном батальоне. Однажды, когда я всё же затронул эту тему, Владимир Израилевич раздражённо заметил: «У меня грехов, как блох в старой перине. Но за штрафбат я не каюсь».

А с Крейзером Пеллер встретился после войны. Яков Григорьевич в чине уже генерал-полковника командовал войсками Краснознамённого Дальневосточного военного округа. Летом 1961 года, будучи главным редактором Хабаровского телевидения, я готовил цикл телевизионных очерков о делегатах знаменательного XXII съезда партии. Яков Григорьевич согласился на моё предложение принять участие в такой телепередаче. Я был у него в штабе КДВО на улице Серышева, был у него дома. Съёмки велись и в войсках. В этой телепередаче встретились Герой Советского Союза Крейзер и Кавалер ордена Славы трёх степеней Пеллер.

Владимир Израилевич очень тепло отзывался о маршале Баграмяне, особо ценил его за то, что дорожил тот каждой солдатской жизнью. Во время XXIV съезда – в перерыве между заседаниями – Пеллер увидел своего бывшего командующего Первым Прибалтийским фронтом Баграмяна. Переборов смущение, решился подойти к Ивану Христовичу.

– Разрешите обратиться, товарищ маршал, – всё ещё волнуясь, произнёс Пеллер.

– Обращайтесь, – разрешил маршал.

– Я в войну служил в Первом Прибалтийском...

– В какой должности?

– Командир роты 71-й гвардейской стрелковой Витебской ордена Ленина Краснознамённой дивизии. Моя фамилия Пеллер.

– А-а, прославленный разведчик, – вспомнил маршал. – Только ты тогда был не такой солидный.

– Отметив звезду Героя соцтруда на пиджаке Пеллера, сердечно поздравил Владимира Израилевича, расспросил о том, как сложилась его послевоенная судьба. Прощаясь, маршал сказал: «До революции, тогда это не запрещалось, я читал в Книге Книг – Библии, что евреи были отважные воины и превосходные земледельцы».

Обвинения в трусости евреев приводили Пеллера в ярость. Он помнил наизусть число Героев Советского Союза, получивших эту высшую награду в годы Отечественной войны.

– На три миллиона евреев приходится 108 Героев Советского Союза, – вычислил Пеллер. – Это только за Отечественную войну. Казахов было в два раза больше, чем евреев, а героев у них только 96. Мы идём впереди грузин, армян, узбеков, азербайджанцев... Хотя у всех у них не общипанная автономная область, а полная союз-

ная республика. – И, выдержав паузу, добавил: – А как человек, который зарабатывал фронтовые ордена кровью, должен тебе сказать: чтобы еврею на войне получить Героя, он должен дать две нормы героизма.

Пеллер прошёл к серванту и достал из кипы бумагу газету «Неделя».

– Я специально сохранил эту газету, – сказал Владимир Израилевич. – Сколько раз ты слышал про Матросова, который закрыл своей грудью амбразуру дзота? А сколько ты слышал про Товью Райзу, Иосифа Бумагина и третьего еврея по фамилии Белинский? В газете написаны только его инициалы: «Е.С.». Тут даётся большой список воинов, которые повторили подвиг Матросова. Так евреи и здесь не на последнем месте.

«Самая объективная в мире» советская пресса в характерной своей манере клеймила израильских агрессоров. Это беспокоило Пеллера.

– Ты слушаешь «вражеские голоса», – сказал мне Владимир Израилевич, – весь мир тоже считает, что маленький Израиль напал на три несчастных арабских государства? Мне Подгаев говорил, что Советский Союз не жалеет для «братских арабских народов» самого нового оружия.

Мы возвращались с Пеллером из Биробиджана с лекции о международном положении. По логике лектора из Москвы, Израиль спит и видит, как ему уничтожить арабские народы, которые ведут справедливую национально-освободительную борьбу. С 1948 года израильские агрессоры развязали три войны. И если бы не братская помощь Советского Союза и стран народной демократии, то Израиль бы «пролил море невинной крови». Лектор ответил на два-три несущественных вопроса и засобирався на поезд.

Подсчитываем с Пеллером, сколько на два с половиной миллиона израильтян приходится арабов из окружающих Израиль стран.

– Арабов, – рассуждает Владимир Израилевич, – может хватить не на три, а на тридцать три войны. И они могут позволить себе роскошь проигрывать каждый год по войне. А Израиль не может допустить одно поражение, потому что это будет конец Израилю. Мне Сугробов Андрей Алексеевич, когда ещё был он секретарь райкома, сказал: «Советский Союз ещё когда-нибудь пожалеет, что отвернулся от Израиля».

Четвёртый день Владимир Израилевич не курит, и чувствуется, как тяжело ему даётся эта «жертва». Но врачи не оставили Пеллеру выбора. Когда мы уже подъезжали к дому, Владимир Израилевич как бы ненароком, походя, поинтересовался: «Слушай, у тебя там не завалилось закурить?». Ощупывая в кармане початую пачку сигарет, с деланным сожалением отвечаю: «Все кончились – пустая пачка».

– Заходи, поговорим, – пригласил в дом Владимир Израилевич. И когда мы разделись, спросил: – Пить будешь?

– Я нет.

– И я тоже.

Мы неторопливо поужинали, и разговор у нас произвольно зашёл о вере, о Боге.

– Мой папа, ты знаешь, был балагула, извозчик, но он не был тёмный человек. Он сам учился у меламеда и хотел, чтобы я знал Тору. Ребе мне попался – настоящий цадик, святой человек. Он знал, как свою жизнь, Тору, Невиим, Ктувим, Талмуд. Читал на арамейском языке книгу Зогар. Но я у этого ребе был не самый удачный ученик. Я мог вместо того, чтобы пойти к ребе, податься с пацанами на базар – в Бершади ходить на базар было

всё равно, что в театр. Мог просто гонять по улицам. А когда мне стало 13 лет и я пошёл работать в колхоз, меламеда своего не забывал: заходил к нему домой, спрашивал, какая от меня может быть помощь.

Я всегда переживал за евреев. И если в газете прочитаю, что такой-то еврей большой человек – учёный, профессор, музыкант, – это мне радует сердце. И у меня обрывается сердце, когда узнаю, что еврей замешан с кражей, жулик. Я тебе так скажу: если еврей – настоящий еврей, чистый, умный, с большим сердцем, – то это лучший человек. Но если уж еврей плохой человек, то это будет самый плохой человек.

Вот ты раскопал в бумагах с архива, что мне в конце войны написали в анкете: русский. Это мне хотели сделать как лучше. Но я сам честно писал: национальность еврей. И если бы, как было до революции, в казённых бумагах писали про вероисповедание, то у меня было бы написано: «иудейское».

Придя к себе домой, я снова обратился к архивным копиям. В автобиографиях в графе партийность Владимир Израилевич указывает разные данные: член ВКП(б) с 1943 года, затем – с 1947 (и пишет номер партбилета: 01026585). А в третьем по времени своём жизнеописании приводит год 1950. Таким образом, выходит: первое исключение из партии произошло между 1943 и 1947 годами, второе между 1947 и 1950. А было ли ещё и третье исключение, как говорили мне в Валдгейме?

Самые тягостные, самые жестокие испытания, по признанию самого Пеллера, приходятся на 1949–1952 годы. Доносы, клеветнические измышления, сфабрикованные меднолобыми следователями областного отдела МГБ, отравляли существование. После изнурительных допросов следо-

вали нашествия разного рода комиссий. Не давали работать, лишали сна, подталкивали к мыслям о самоубийстве.

От разных людей слышал я, что именно на эти роковые годы приходится третье по счёту исключение Пеллера из партии. Сам Владимир Израилевич это отрицал. «Я был на один волос от этого, – сказал мне Пеллер. – После того, как выгнал из колхоза комиссию, которая шила мне вредительство, меня должны были исключить, но Сугробов Андрей Алексеевич, секретарь райкома, взял на себя вину, что слабо контролировал колхоз, и уговорил членов бюро, чтобы на меня записали выговор с последним предупреждением».

Заполняя очередную анкету 15 января 1952 года, Владимир Израилевич даст подробные ответы на вопросы: кто такие его родители, где родились, где находятся в настоящее время. Про отца, Исруэла, сообщит он, что до 1917 года тот «занимался крестьянством», умер в 1938 году. Мать, Гитл, 1883 года рождения, домохозяйка. Перечислит состав своей семьи: мать, Гитл Абрамовна; жена – Бессарабская Рива Иосифовна, 1912 года рождения, после замужества – Пеллер, колхозница; дочь Циля – 1934 года рождения; дочь Рая – 1946 года; Аня – 1948 года; сын Изя – 1951 года.

На вопрос, был ли за границей, последует своеобразный ответ: «В Польше и Германии – по ходу фронта с Красной Армией».

Но, вероятно, самый «неприятный» для Пеллера был вопрос о том, имеются ли за границей родственники. Владимир Израилевич честно поставит в известность органы, что в Америке с 1907 года проживает брат матери Далян-Дувед Зальцман. И, кроме него, «из моего родства за границей никого нет». И внесёт в это удручающее обстоятельство смягчающий вину факт: «Переписку с указанным

жать Пеллеру и в некоторых случаях даже идти наперекор. Но парторг не зарывался. И когда Макс поставил вопрос об увольнении, Владимир Израилевич забеспокоился. Всё же с Гольдшмидом удавалось ладить.

Как-то под вечер вошёл Пеллер в кабинет профкома, который я делил с комсоргом колхоза, и велел вожаку молодёжи немного погулять на воздухе. Владимир Израилевич встал напротив меня и, загадочно улыбаясь, спросил: «Тебя не вызывали в райком, чтоб ты пересел в кабинет парторга?». Я был уверен, что Пеллер наверняка знает о разговоре, состоявшемся у Павлова, первого секретаря райкома.

– И почему ты отказался? Зарплата почти в два раза больше, чем ты имеешь сегодня.

– Вы же сами знаете: дело не в зарплате. Я пришёл в колхоз с зарплаты даже большей, чем у Гольдшмида.

– У нас в конце года большая дополнительная доплата.

– Я знаю. Даже если бы я захотел – из меня не получится командир. Вы же сами в этом убедились.

– Да, – соглашается Владимир Израилевич. – А ты попробуй на год, может, окажется – это как раз то, о чём душа скучает.

– Нет, лучше, чем у Максима, у меня не получится.

– Наверно, ты прав. Характер у тебя другой. И потом, – уже открыто смеётся Пеллер, – ты бы мне хорошо попортил кровь.

Разговор этот происходил за две недели до отчётного колхозного собрания. Все эти дни помимо непосредственных обязанностей, я выполнял поручение правления и парткома «по формированию контингента пенсионеров на колхозную доплату».

в середину этого «законодательного акта» 17 тех бедолаг, что не дотянули до вожделенного 25-летнего стажа...

Проходит собрание в валдгеймском Доме культуры. Пеллер делает доклад о результатах хозяйственной деятельности колхоза за минувший год. В обычной своей манере Владимир Израилевич лишь время от времени обращается к обособленному правлению, парткомом и ведущими специалистами колхоза тексту доклада. А в основном излагает суть проблем в его, Пеллера, интерпретации. При этом позволяет себе шуточки, колкости по адресу тех или иных «командиров колхозного производства». Касаясь вопроса о трудовой дисциплине, выражает сожаление насчёт того, что нет сегодня настоящего энтузиазма, какой был характерен для предвоенных и первых послевоенных лет.

Галопом рассматриваются другие пункты повестки дня. Наконец наступает знаменательный момент. Председательствующий Семён Ходос предоставляет мне слово для оглашения списка колхозников, которым полагается доплата к пенсии.

Старательно выговариваю каждую фамилию, имя и отчество. В зале оживлённо перешёптываются. Президиум собрания силится походить на синедрион радетелей народного блага. Первые несколько фамилий из дополнительного списка, обнародованные мной, как мне кажется, не вызывают эмоций (не врубилась ещё!). Боковым зрением контролирую реакцию президиума. Первым уловил неладное реактивный Арон Рак, зампред колхоза. Вижу, наклоняется к Максу Гольдшмиду, что-то нашёптывает ему. Парторг смотрит на меня, но Пеллеру не сигнализирует. Однако Арик уже успел насторожить президиум. Что же будет дальше?

Непременным условием получения ежемесячного колхозного пособия в размере 12 рублей 50 копеек, которое увеличит суммарную пенсию до 25 рублей, то есть увеличит её вдвое, был не менее чем 25-летний стаж работы в колхозе.

Пенсионеры, в большинстве своём продолжающие работать, и те, которые по состоянию здоровья подключаются лишь к массовым сельхозкампаниям, толпами осаждали профком. Когда были собраны все необходимые сведения и подготовлены списки на удвоенную пенсию, состоялось расширенное заседание правления колхоза, парткома, профкома и комитета комсомола.

Обсуждали каждую кандидатуру в отдельности. Кроме основного списка претендентов я представил дополнительный. В нём состояло 17 колхозников, которым до полного 25-летнего стажа не хватало считанных месяцев. Большинство членов правления было за то, чтобы им отказать в доплате к пенсии. Мотивы: раз коллективно приняли решение, чтобы требуемый стаж был не менее 25 лет, то и следовать ему нужно неукоснительно.

Где-то ближе к концу совещания Пеллера срочно вызвали в обком, и процедуру дальнейшего обсуждения и голосования поручили заместителю председателя Арону Раку.

Был, вероятно, чрезвычайно важный нюанс, объясняющий, почему «объединённый синклит» не решился изменить ранее принятые установки: прежнее решение подписал Пеллер. И только он вправе нарушить собственный вердикт.

И тут я должен признаться в преднамеренном подлоге. Когда списки были подписаны руководящим «четырёхугольником» – правлением колхоза, парткомом, профкомом и комитетом комсомола, – полагающиеся печати пришлёпаны, я на свою ответственность (или безответственность?) включил

Остановить меня, прервать – на это в такой ситуации не способен никто, кроме самого Пеллера. Но Владимир Израилевич в это время оживлённо обсуждает что-то с Подгаевым, председателем крайисполкома, в самом начале собрания вручившим нашему колхозу переходящее красное знамя по итогам республиканского соревнования.

Едва Ходос объявляет о закрытии собрания, не дожидаясь «суда Линча» прямо на сцене, прорываюсь на улицу. Но бежать не намерен. Успеваю закурить и сделать несколько затяжек. Бить, надеюсь, не будут. Но, конечно, сильно нервничаю. Обнаружив меня рядом с входом в Дом культуры, разъярённые члены правления, похоже, обрадовались. Мне достаётся от них со всех сторон. Не оправдываюсь и не противоречу. Замечаю: парторг Гольдшмид заговорщически подмигивает мне. На совместном том синклите он голосовал за то, чтобы включить в основной список предложенный мной дополнительный. Однако два наших голоса задавило «подавляющее большинство».

Беспрерывно курю. Больше всего меня беспокоит реакция Пеллера. Когда, проводив до машины Подгаева, Владимир Израилевич приближается к нам, хор осуждающих открывает председателю глаза «на этого профсоюзного сумасшедшего». Единодушно требуют от Пеллера «принять меры». И Пеллер меры принимает: подходит ко мне, обнимает за плечи и говорит для одного меня: «Так, может, с тебя всё же получится парторг?».

Взволнованный таким оборотом скандального дела, лепечу слова благодарности. Пеллер поворачивается к не успевшим до конца разрядить свой благородный гнев членам правления и выносит решение: «Всё, закрыли базар!». А меня зовёт к себе в дом «принять по граммочке», но отговариваюсь. Издёргался я за эти дни в предчувствии

«распятия» за свою диверсию. Хочется остаться одному, поразмыслить над произошедшим. А если бы Пеллер рассудил по-иному? Я и по сию пору не уверен, что поступил правильно. Лучше было бы, вероятно, до собрания объясниться с Пеллером, привести веские аргументы, убеждать, доказывать.

По дороге домой меня догоняет Борис Рак, главный инженер колхоза. Поравнялись, идём молча. Уже у самого моего дома Борис замечает: «А с этой стороны я тебя не знал совсем». И через минуту: «Когда уезжаешь?».

– Завтра, крайний случай – послезавтра. Весь скarb уже запакован.

– Жаль, могли бы дружить семьями. Маша моя говорит: «Только стали близко узнавать друг друга, и уже надо расставаться».

Мы расстались, но подружились затем надолго. Борис, бывая по делам в Хабаровске, останавливался у нас. Наши колхозные друзья подкармливали нас картошкой, овощами со щедрого своего огорода. В Хабаровске на рынке в ту пору за картошкой выстраивались бесконечные злые очереди.

Памятное то собрание было последним в моей колхозной биографии. По прошествии времени я с ужасом вспоминал, сколько на мою долю выпало разного рода собраний за год: с ноября 1969 по ноябрь 1970 года. Не было дня, чтобы не случился вызов в райком профсоюза, в обком профсоюза. Семинары-совещания в райкоме партии. Затем производственная говорильня в бригадах колхоза и на фермах. А сколько пришлось положить сил на многочисленные полуночные бдения правления, парткома! Лекции, беседы, политинформации, тематические вечера. Это было форменное умопомрачение...

Все эти копеечного достоинства словопрения были основной продукцией коммунистического агитпропа. Между тем, по её объёму судили о деятельности партийно-государственных структур разного калибра.

Своего рода судьбоносными событиями бывали партийные, профсоюзные и комсомольские конференции, пленарные заседания советских учреждений. К ним готовились загодя, к подготовке привлекали массу занятого народа – директоров, экономистов, инженеров.

Как-то показал я Пеллеру шедевр бюрократической мысли – «Порядок областной конференции профсоюза работников сельского хозяйства».

Владимир Израилевич прочитал первую страницу, с трудом одолел вторую, третью и притомился.

– У меня что-то не укладывается в голове: это написано до конференции или уже после? – недоумевает Пеллер.

– Как правило, это пишется за неделю-полторы до, но по ходу подготовки могут быть внесены незначительные коррективы.

Владимир Израилевич развеселился:

– Читай сам – от начала и до конца и с голосом, как на конференции.

Читаю. Председатель: «Товарищи, разрешите XIV конференцию профсоюза работников сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности считать открытой. (Аплодисменты). Нам необходимо избрать президиум и другие органы конференции. Поступило предложение по персональному составу президиума...»

– От кого? – выясняет Пеллер.

– От Пушкина...

– Хорошо. Едем дальше.

– Дальше идёт список, где называются первый секретарь обкома партии, завотделом крайкома

профсоюза... Председатель: «Товарищи! Поступило предложение не обсуждать в отдельности каждую кандидатуру в состав рабочего президиума...».

– От кого? – подыгрывает Пеллер.

– От Лермонтова.

– Хорошо, едем дальше.

– Едем. Председатель: «Голосуем списком. Кто за то, чтобы названных товарищей избрать в рабочий президиум конференции, прошу поднять руки. (Идёт голосование). Кто за? Кто против? Кто воздержался? Таким образом, единогласно. Прошу избранных товарищей занять места в президиуме конференции. Товарищи! Поступило предложение избрать почётный президиум нашей конференции в составе Ленинского Центрального комитета КПСС во главе с верным ленинцем товарищем Брежневым Леонидом Ильичом». (Бурные, долго не смолкающие аплодисменты. Делегаты аплодируют стоя.) Председатель: «Прошу садиться. Разрешите ваши аплодисменты считать за единодушное избрание почётного президиума нашей конференции в составе...».

Смотрю на Пеллера: «Будем читать дальше или как?».

– А ты знаешь, – мрачнеет Владимир Израилевич, – это не смешно, это страшно.

– Это не изобретение профсоюзных бюрократов, эта форма «Порядка» идёт от самого партийного верха. Такие «Порядки» вместе с копиями докладов и проектами решений выдавали в крайкоме партии нам, журналистам, для работы над газетными отчётами. Такие «Порядки» составляют для всякого собрания. И в нашем колхозе тоже.

– Ты смеёшься?

– Вы же сами сказали: «Это не смешно».

Постскрипtum

Возвратившись в Хабаровск, я чуть больше недели предавался отдыху, главным образом – от изнурительного бремени суеты на скудной профсоюзной ниве. Хотелось устроиться на работу, не требующую каждодневной явки на службу. Такой привилегией пользовались собственные корреспонденты центральных средств массовой информации. И я вознамерился предложить свои услуги Дальневосточному отделению АПН. Штаб-квартира его располагалась на одной с региональным отделением ТАСС улице Запарина. Вышедший на крыльцо руководитель отделения – мы с ним были хорошо знакомы – поинтересовался, куда путь держу. Я сказал, что в АПН, объяснил цель своего визита и поделился своими планами: «Хочу сесть за создание «бриллианта прозы» на материале ЕАО». Начальник приглашает в свой офис. Через полчаса я вышел из просторного его кабинета с удостоверением корреспондента ТАСС. На следующий день явился в должность для постижения «тассовской специфики». Предполагалось, что на это уйдёт меньше месяца, и затем я, как собственный корреспондент, буду сам регулировать режим своей работы. Но вскоре меня самого поставили «играющим тренером», дали под моё начало мобильную команду борзописцев. И плакал мой обещанный свободный режим работы. Так я застрял в тассовской упряжке на десять лет. Правда, пользовался каждой возможностью вырваться в

командировку. И какие бы круги ни приходилось описывать по необъятному Дальневосточному краю, всякий раз находил лазейку, дабы наведаться в Валдгейм и повидаться с Пеллером. Продолжал писать о нём в центральную прессу. Выпущенную мною в 1976 году книжку документальных рассказов открыл очерком о Владимире Израилевиче. Он же, как я уже упоминал, стал главным героем двух моих документальных фильмов.

В последние годы Пеллер стал сильно сдавать. Всё чаще попадал он в краевую клинику. Когда я навещал его, мы вели с ним долгие откровенные разговоры. Владимир Израилевич сожалел, что был чрезмерно требователен к людям, в каждом обладателе больничного листа подозревал лодыря. Время от времени возникали темы Бога, Израиля.

Пеллер знал, что по линии ТАСС мы в Хабаровске получаем спецвестники, предназначенные для высоких партийных бонз. Это были и телетайпные материалы, и брошюры. В них содержалась конфиденциальная информация, статьи, подготовленные тассовскими аналитиками и видными зарубежными политологами, экономистами, социологами, журналистами. Так как переданные по телетайпам информационные подборки и присланные спецпочтой брошюры подлежали передаче «особо доверенным партии» через наше отделение ТАСС, то мы вправе были читать эти оберегаемые от народа материалы первыми. Такое вот доверие главный официоз страны оказывал своим сотрудникам на местах. Правда, время от времени к нам наведывался «кум» – товарищ Чумаков, закреплённый от краевого управления КГБ за нашим отделением ТАСС. В доверительных с нами беседах пытался он выудить для себя неординарную информацию, но

мы, считая «кума» и его соратников частью народа, оберегали их от «тлетворного влияния Запада».

Владимиру Израилевичу на правах друга я сообщал самые «жареные» факты. Особо его интересовали вести с Ближнего Востока.

– Так ты говоришь, – переспрашивает Пеллер, – что армии Египта, Сирии и Иордании по наступательной мощи можно было сравнить с европейской группировкой войск НАТО?

– Это не я говорю, так считают сами генералы НАТО.

– Как же маленький Израиль расколошматил их за три недели? – И, подумав, резюмировал: – Потому что арабы начали войну в Йом-Кипур. Это Бог, еврейский Бог, их наказал.

Я говорю, что по подсчётам тех же натовских генералов, Израиль в войне Судного дня понёс тяжёлые потери. Во всех подробностях, которые были мне известны, я передал Пеллеру содержание закрытых публикаций об операции Энтеббе.

В сентябре 1973 года Пеллер отметил своё 60-летие. Как депутату Верховного Совета СССР ему приходилось ещё мотаться в Москву на пленарные заседания. Но это была уже непосильная нагрузка: 8-9 часов занимал перелёт из Хабаровска в первопрестольную.

– Всё, выработал я свой ресурс, – с характерной пеллеровской грустной иронией констатировал Владимир Израилевич. – Дальше я уже не гоюсь даже на запчасти.

Вскоре в колхоз переехал бывший директор Калининского совхоза Феликс Гликштейн. Он фактически стал замещать Пеллера во время его командировок и заточений в больницы.

Врачи советовали Владимиру Израилевичу воспользоваться своим законным правом на за-

служенный отдых, выправить бумаги на персональную пенсию, с тем чтобы заняться своим здоровьем всерьёз. Пеллер слушал, находил аргументы врачей резонными, но последовать их совету означало добровольную капитуляцию перед обстоятельствами. Такого исхода Владимир Израилевич не мог себе позволить. Он просто был не в состоянии вообразить себя вне бурного водоворота дел, горячий, изнуряющей и всё же животворящей работы. Как это так может быть: встаёшь поутру и тебе некуда спешить? И тебя нигде не ждут? И без тебя смогут обойтись все эти лица, которые изо дня в день тебя окружали, ловили каждое твоё слово?

И всё же Пеллер переломил себя. В самом начале 1978 года подал он заявление об уходе на пенсию. Самыми мучительно тяжёлыми днями оказались именно первые дни. Но уже через неделю в просторном председательском доме на улице Лесной как бы сама по себе открылась «Общественная приёмная Пеллера». Люди отказывались признавать Владимира Израилевича просто «персональным пенсионером союзного значения». Для них Пеллер был и оставался «государственным защитником народа», как выразился директор Валдгеймской школы Исаак Пришкольник. И с этой должности никто не мог Пеллера ни снять, ни освободить хотя бы на время. Владимир Израилевич не был уже ни депутатом Верховного Совета, ни членом ЦК партии, но по-прежнему был, не переставал быть Пеллером. И этим единственным титулом – Пеллер – подписывал разные челобитные в инстанции. Звонил в обком партии и в облисполком, просто к знакомым начальникам, возглавлявшим различные ведомства, от которых зависело практическое решение житейских проблем.

Рива Иосифовна, супруга Владимира Израилевича, с раннего утра находилась на посту – на кухне. И вся плита была уставлена громадными кастрюлями и чугунами, в которых готовились борщи, варилась картошка, поскольку дом был полон людей. Иногородные тут же ночевали. Все эти бедолаги, не достучавшиеся до вельможных каменных сердец начальников, потянулись к дому Пеллера. С последней надеждой, с трепетной верой в торжество добра над злом.

Так продолжалось до самой осени, до той самой ночи, когда увезли Пеллера в больницу – сначала в областную, а затем в Хабаровскую краевую.

23 декабря Рива Иосифовна с внуком Серёжей навестили Владимира Израилевича. Был он в сознании, разговаривал, правда, уже через силу. И печально так улыбался. А через два дня позвонили из больницы и сообщили, что Пеллер умер. В Хабаровск спецрейсом вылетели зять Владимира Израилевича Марик Гуршман и Макс Гольдшмид, работавший в то время уже секретарём Биробиджанского райкома партии. На том же самом самолёте привезли они Пеллера в Валдгейм.

А похороны состоялись два дня спустя, 27 декабря. Было перекрыто на время автомобильное движение на трассе Биробиджан – Валдгейм. Улицы Валдгейма заполнили машины, в том числе военные.

Гроб установили в Доме культуры. В почётном карауле рядом с военными стояли руководители края, области, района.

Траурная процессия вытянулась на всю центральную улицу Валдгейма. Впереди шествовали военные, неся на подушечках награды Пеллера. Тысячи и тысячи людей провожали в последний путь героя-воина и легендарного председателя.

Прощальные слова над гробом произнесли первый секретарь обкома партии Л. Б. Шапиро, председатель крайисполкома Г. Е. Подгаев, секретари Биробиджанского райкома КПСС С. А. Будницкая и М. Г. Гольдшмид, друзья, соратники.

Прошло почти два года. И вот в один из не самых лучших дней в моей жизни меня вызвал в крайком партии новый секретарь по пропаганде бывший ректор Хабаровской высшей партийной школы Степанов. Он имел целевую установку уговорить меня занять пост редактора «Биробиджанской звезды» – русскоязычной газеты, органа обкома КПСС и прочая и прочая. («Биробиджанер штерн», областную газету на языке идиш, редактировал мой приятель Леонид Школьник, с которым мы спустя годы встретились в Иерусалиме, где Леонид был одним из редакторов газеты «Новости недели»). Вакансия образовалась в связи с уходом на пенсию многолетнего редактора «Биробиджанской звезды» Гуревича. Занять пост редактора по логике должен был его молодой и энергичный зам Валерий Панман. Однако партийные нравоблюстители инкриминировали ему какое-то покушение на моральный кодекс строителя коммунизма и затормозили естественный ход событий. И тут мой «благодетель» Чёрный Алексей вспомнил обо мне. Представлялась возможность упечь меня на партийную подёшчину, дабы не трепыхался со своей тассовской независимостью. А меня перспектива оказаться в роли мальчика для битья никак не прельщала. Я знал, как мотал Чёрный нервы Гуревичу, учиняя ему разносы за то, что тот проводил в газете линию обкома, установки Льва Шапиро, которого этот бандит с большой

партийной дороги ненавидел лютой ненавистью патологического антисемита.

Мне ничего не оставалось, как симулировать истовую взволнованность, вызванную таким высоким доверием партии. Но как Степанов ни ломал меня через колено, я держался изо всех сил. В конце концов пришлось партбонзам примириться с кандидатурой Панмана на должность редактора, и Валера совершил торжественное восхождение на престол, с чем я его искренне поздравил.

А от меня Чёрный так и не отвязался. Сговорившись с московским начальством в ТАСС, он добился моего перевода на Дальневосточную студию кинохроники с ближним прицелом на главного редактора. Мне, деваться некуда, пришлось склонить голову. Но лишь на время. Всего несколько месяцев поработал я в той студии в должности редактора по фильмам. Оказалось, это была чистейшая синекура, и если бы не угроза водворения на должность главного редактора – ипостаси жалкой, всеми пинаемой, то остался бы я на этой роли до самой пенсии.

При сдаче фильмов, снятых по заявкам обкомов и крайкомов, невежественные партвельможи куражились, вешая всех собак на главного редактора. И свои студийные, доморощенные гении – редакторы, режиссёры, операторы, не упускали случая плеснуть грязи на «виновника» всех их творческих неудач – главного редактора. Я видел перед собой жалкого козла отпущения и не желал себе такой участи. Перед самым моим назначением на должность главного редактора я подал заявление об увольнении, подкрепив свои аргументы медицинскими справками. Медики настоятельно рекомендовали моей жене переменить климат – по жизненным показаниям. В крайкое повертели

мои бумаги так и этак и отвязались. А я вскоре нашёл вариант обмена квартиры на Новороссийск и оставил дальневосточные палестины навсегда.

* * *

Перечитав личные мои истории о несостоявшемся соборстве, уклонении от руководящих постов, истории, непосредственно не связанные с документальным повествованием о Пеллере, я не сразу смог себе объяснить: как они написались и почему привожу их здесь? И лишь затем вдруг подсознательно открыл для себя: и вспомнилось, и написалось из потребности этими своими личными историями поделиться с очень близким и дорогим для меня человеком. Таким для меня был и остался навсегда Владимир Израилевич: умный, пронцательный, ироничный. И горько мне сознавать, что никогда уже не услышу: «Всё, увольняю тебя с писателей»...

* * *

Уже живя в Новороссийске, я по письмам наших друзей Бориса Рака и его жены Маши узнал о том, как в Валдгейме увековечили память Владимира Израилевича Пеллера. Мемориальная доска появилась на здании правления колхоза и на доме Пеллера, что на улице Лесной. Саму Лесную улицу переименовали в улицу Пеллера, предварительно заасфальтировав. По обочинам её школьники высадили затем деревца. А в самом центре Валдгейма, напротив здания правления колхоза, посреди Аллеи Труда, на высоком постаменте установлен был бронзовый бюст Пеллера.

В 1981 году в журнале «Дальний Восток» вышла моя повесть «Людьми остаться». Я предпо-

слал ей посвящение: «Памяти Владимира Израилевича Пеллера».

В 1998 году, вскоре после репатриации в Израиль, подарили мне журнал «Слово инвалида войны». И там, в рубрике «Кавалеры солдатской Славы» наткнулся я на заметку о Пеллере – перепечатку из газеты «Известия». Мне, столько лет посвятившему поиску подлинных свидетельств боевых подвигов Владимира Израилевича Пеллера, показалась эта заметка слишком поверхностной.

– И это вся правда о Пеллере? – с горечью спросил я себя. – Именно таким должен Пеллер предстать перед общественностью Израиля? И сказал себе: твой долг друга Владимира Израилевича написать документальную повесть об этом незаурядном человеке. Я обратился к своему архиву, который бережно собирал, хранил и в целости и сохранности привёз с собой на мою историческую Родину. Что у меня получилось в результате полугодового труда – судить читателю.

Помню, в один из «моментов истины» Владимир Израилевич в раздумье заметил: «Мне один учёный человек сказал, что достаточно сделать четыре шага по Святой Земле, чтобы иметь удел в будущем мире». И, выдержав долгую паузу, добавил: «Как бы я хотел хоть одним глазом глянуть на Святой Иерусалим».

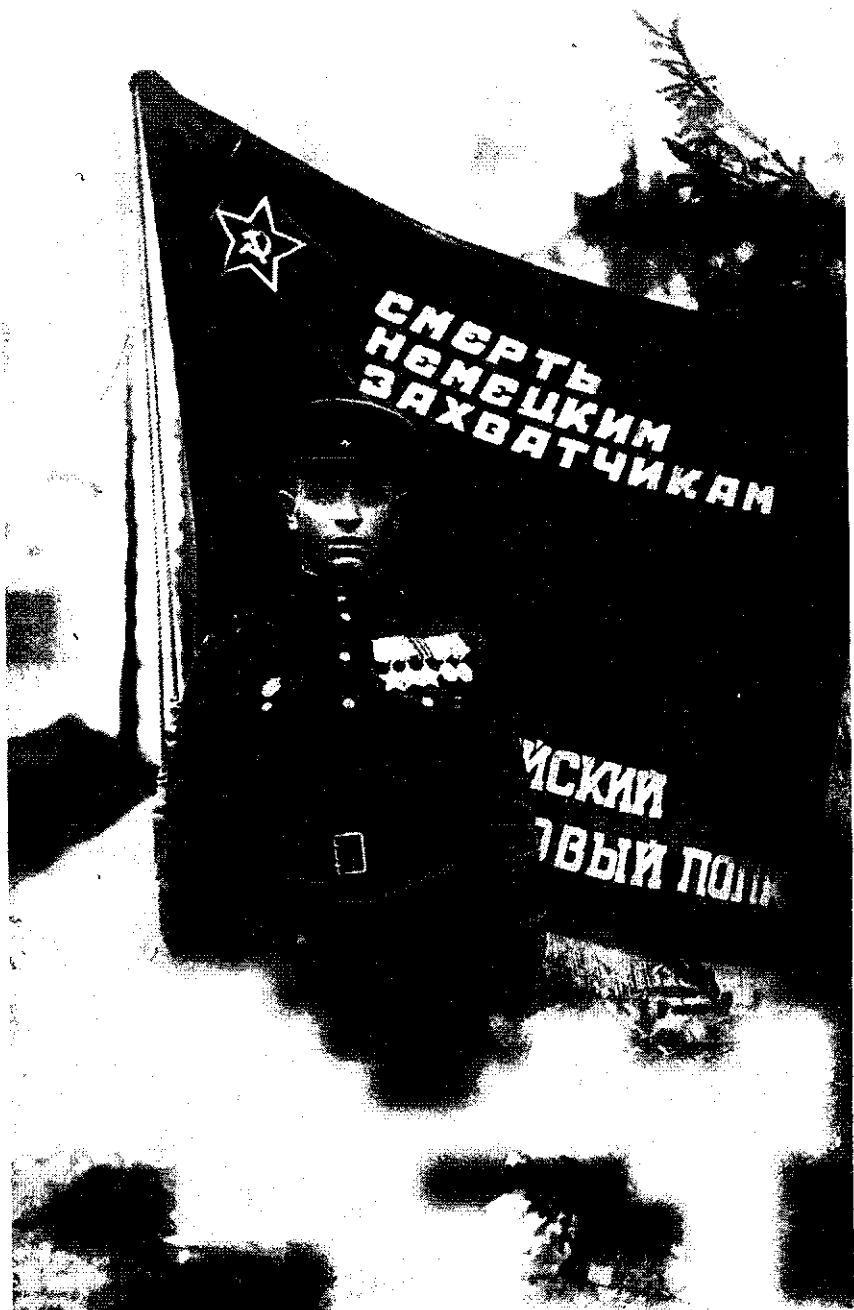
Не суждено было, не суждено самому Владимиру Израилевичу. А вот его детям, внукам и правнукам выпала судьба жить на Земле Обетованной.

Циля, старшая дочь Пеллера, с его внуками Фаиной и Сашей и правнучками Наташей и Оксаной живёт в Ашкелоне.

В Ашдоде живут сын Пеллера Изя с женой Мирой, их дочери Инна и Светлана, внучки Пеллера, и его правнуки Роман и Вьяна.

Дочь Рая и её муж Геннадий остались в Валдгейме, живут в доме Пеллера на улице имени Пеллера. А их сын Сергей Гайдук, внук Пеллера, с женой Любовью и правнуком Пеллера Виктором живут в Ашкелоне.

В Биробиджане осталась младшая дочь Пеллера Аня с мужем. Но дочь их Лена, внучка Пеллера, предпочла доисторической родине Землю Обетованную. Она живёт с мужем Евгением и сыном Глебом, правнуком Пеллера, в Нетивоте.

Победный май 1945 года.

Фотограф очень просил Пеллера улыбнуться.

На деловом совещании. В первом ряду третий справа от Пеллера - Гинзбург, директор Биробиджанской мебельной фабрики. Во втором ряду (слева направо): Эдуард Липовецкий, директор биробиджанского завода "Дальсельмаш"; Матвей Кауфман, директор Биробиджанского завода силовых трансформаторов, депутат Верховного Совета СССР последнего созыва.

Даже полуторачасовые доклады Пеллер делал, не обращаясь к бумагам. Десятки цифр он приводил по памяти.

С папиросой вставал и с папиросой заканчивал день.

На снимке в первом ряду (четвертая слева): Бася Пискун - заслуженный зоотехник РСФСР; Фейга Файман - знатный овощевод, член Комитета советских женщин; Рахиль Фрейдкина - заслуженный агроном РСФСР. Во втором ряду (второй слева) - Владимир Пеллер; Макс Гольдшмид - секретарь парткома колхоза; (шестой слева в этом ряду): Самуил Файман - заведующий животноводческой фермой; Арон Панич - главбух колхоза; Семен Вишиникин - бригадир трактористов.

У Пеллеров одна за другой родились три дочери. И вот появился на свет долгожданный сын Изя - Израиль.

Дочь Рая и супруга Пеллера Рива Иосифовна напутствуют Владимира Израилевича, собравшегося в Москву.

4 июня 1970 года. Колхоз посетил Вениамин Эммануилович Дымшиц - председатель Госснаба СССР. Первый секретарь обкома партии ЕАО Г.Е.Подгаев представил высокому гостю председателя колхозного профкома - то бишь автора этой повести.

Первый выпуск воспитанников Валдгеймского детского дома.

1970 год. Арон Рак только что избран заместителем Пеллера.

Семейство Рак (слева направо): Бетя Рак (Позднышева) - бухгалтер-экономист колхоза; Наум Рак - заведывал в колхозе деревообрабатывающим цехом, в настоящее время фермер в Валдгейме; Борис Рак, долгие годы проработавший в колхозе главным инженером, с апреля 1989-го по март 1992-го возглавлял колхоз, в настоящее время руководит в Валдгейме крупным фермерским хозяйством; Давид Рак - в колхозе был прорабом, в настоящее время живет в Израиле; Роза Рак (Карасева) - работала директором валдгеймского Дома культуры, в настоящее время живет в Израиле.

Фейга Файман(на переднем плане): была «профессором» по части парникового дела. Активно участвовала в женском движении. На протяжении многих лет была членом Комитета советских женщин.

Рива Вишникина зарекомендовала себя великолепным овощеводом. В начале 60-х годов была избрана депутатом Верховного Совета СССР.

1939 год. Колхоз «XX лет Октября» (предшественник колхоза «Заветы Ильича»).

Первый слева в первом ряду: бригадир Давид Гейшес, в центре - председатель колхоза Белостокский.

В послевоенные годы колхоз «XX лет Октября» возглавил Черниковский - первый слева.

Первопоселенцы Валдгейма на сенокосе.

1959 год. Заслуженный зоотехник РСФСР Бася Пискун проводит зоотехнические занятия с работниками колхозных ферм. Первый слева в первом ряду- заведующий животноводческой фермой Валдгейма Самуил Файман.

Партгосначальники представляли советский народ на всех и всяческих высоких собраниях . Они и в первых рядах на всесоюзном съезде колхозников (1969 г.)

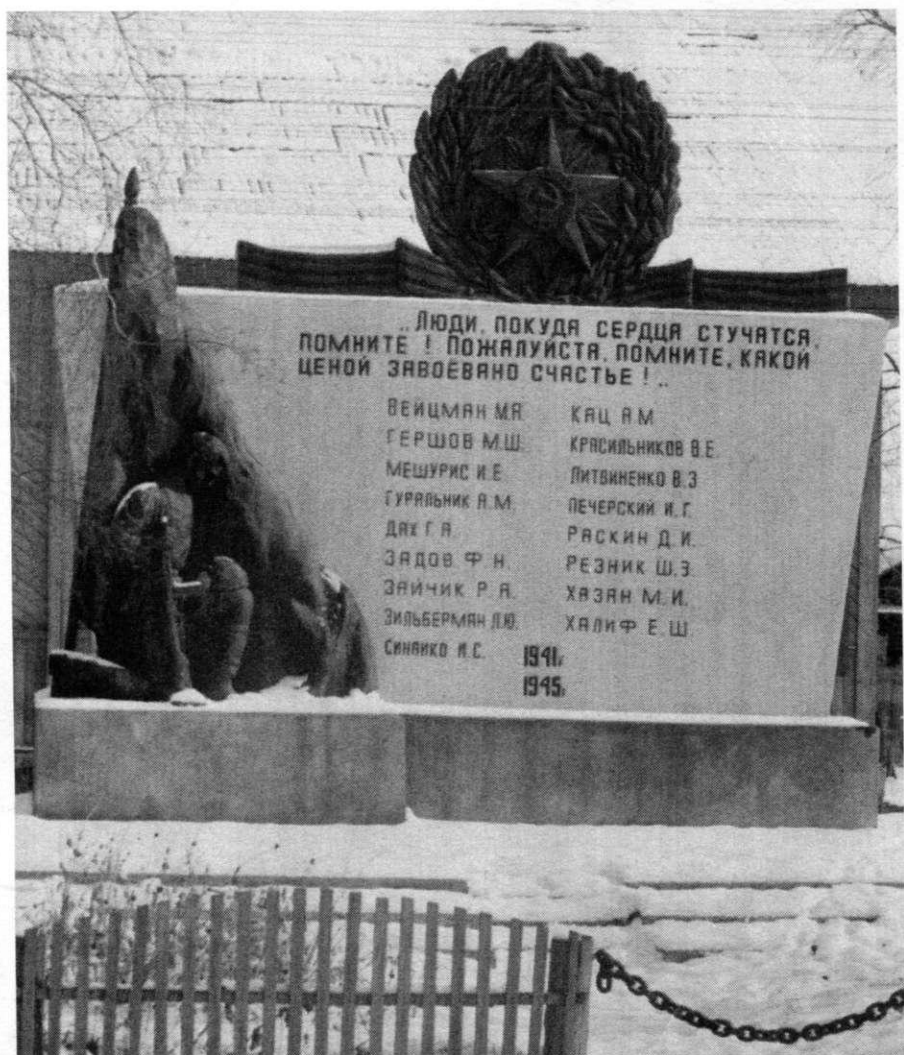
На снимке (слева направо): Г.Е.Подгаев - первый секретарь обкома КПСС ЕАО; В центре- В.И.Пеллер; Следом за «свадебным генералом» - А.К.Черный - в ту пору еще председатель Хабаровского крайисполкома, А.П. Шитиков- первый секретарь Хабаровского крайкома партии.

В последние годы к концу бесконечно долгого рабочего дня Владимир Израилевич стал быстро уставать.

В ноябре 1985 года в центре Валдгейма был торжественно открыт памятник Владимиру Израилевичу Пеллеру.

К этому памятнику в сквере валдгеймского Дома культуры шли с цветами не только вдовы, сыновья, дочери и внуки павших на войне солдат. А в печальный день начала войны и в торжественный День Победы к подножию мемориала приносили цветы едва ли не все жители Валдгейма.

В 2000 году погостить в Израиль приехали оставшиеся в России дочери Владимира Израилевича - Рая и Аня. И за праздничным столом собралась вся Пеллерова родня (слева направо): внучка Пеллера - Светлана; дочь Пеллера - Аня; близкий родственник Пеллера - Борис Гуршман; муж внучки Пеллера Лены - Евгений; муж внучки Пеллера Инны - Александр; дочь Пеллера Циля; внучка Пеллера - Лена; дочь Пеллера - Рая; сын Пеллера - Изя и его дочь Инна.

Земляки Пеллера в Израиле

Здесь приводятся имена и адреса, известные автору на момент выхода книги.

В Ашкелоне живут:

Львовичи – Александр, Валерий и Евгения;

Мицель Валентина, дочь Шики Мицеля, с мужем и двумя детьми.

Фридманы – Яков с дочерью Лизой и внучками; Школьник Лариса с мужем и двумя детьми; Шмуклер Семён с женой и дочерью.

Многочисленная мишпуха Раков: Роза (в замужестве Карасёва) с сыновьями Андреем, Владимиром и Антоном; Давид Рак с женой Эмилией и детьми Наташей, Олей и Димой; Бетя (в замужестве Позднышева) с мужем Юрием, сыновьями Олегом, Андреем и дочерью Юлей; Леонид Рак с женой Верой и детьми Егором и Кириллом; Евгений Рак (сын Фимы); Радик Рак (сын Арона).

В Маалоте живут:

Михаил Базарь с семьёй.

Михаил Брандман с семьёй; Борис Генкин и его жена Людмила.

Полина и Наум Монз.

Александр и Ирина Нецкие. (Ирина – дочь Вищиникиных. Мать её, Рива Евсеевна, была знатным овощеводом, депутатом Верховного Совета СССР. Отец, Семён, был бригадиром тракторной бригады). Мария Вищиникина (в замужестве Горелик); Елена, дочь Маши.

Самуил Файман, бывший заведующий животноводческой фермой колхоза «Заветы Ильича» в

Валдгейме; его сыновья Роман, Ефим и дочь Ирина с семьями.

Сергей Файман с женой Инной и дочерью.

Фейга Лейбовна Файман, знатный овощевод колхоза «Заветы Ильича», бывший член Комитета советских женщин; её дочь Белла с сыновьями Денисом и Славой; старшая дочь Клавдия с мужем Сашей, сыном Гришей и дочерью Мариной, отслужившей в армии Израиля.

В Петах-Тикве живут:

внук Фейги Лейбовны Андрей с женой Леной и сыном Андреем и внучка Светлана.

В Эйлате живёт:

ещё один внук Фейги Лейбовны Вадим с женой Ольгой и дочерью Сашей.

В Кирьят-Моцкине живут:

бывшая учительница Валдгеймской школы Мария Захаровна Шохтова с дочерью Татьяной.

В Кармиэле живёт:

Михаил Пискун с женой Валентиной и детьми.

В Нетивоте живут:

Александр и Владимир Варшавчики с семьями; семейство Раскиных.

В Кирьят-Яме живут:

Сара Будницкая, бывший секретарь Биробиджанского райкома партии, ее муж Михаил, их дочь Таня с сыном Игорем; Марк Миллер, бывший директор Биробиджанской кондитерской фабрики и его жена Светлана; Макс Гольдшмид, бывший секретарь парткома колхоза "Заветы Ильича", его жена Катя, их старшая дочь Таня с мужем Сергеем и сыном Игорем, а также младшая дочь Марина.

Автор искренне признателен Фейге Лейбовне Файман за то, что она любезно согласилась сообщить имена бывших валдгеймцев, проживающих в настоящее время в Маалоте, Кармизле, Кирьят-Моцкине, Нетивоте, Петах-Тикве и Эйлате. Имена бывших жителей Валдгейма, ныне проживающих в Ашдоде и Ашкелоне, назвали Бетя Рак и внук Пеллера Сергей Гайдук. Их я тоже искренне благодарю.

Я больше чем уверен, что список этот далеко не полон, и немало бывших валдгеймцев здесь не упомянуты. Я приношу им свои искренние извинения.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВСЕГДА ПРАВ	3
ВЫПЬЕМ ЗА ЗНАКОМСТВО	7
«ШМУЛИК, ДЕРЖИ ДИСТАНЦИЮ!»	17
ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ	21
В СТАЛИНГРАДЕ БЫЛ «ДОМ ПЕЛЛЕРА»	34
ЗА ЧТО ИСКЛЮЧАЛИ ПЕЛЛЕРА ИЗ ПАРТИИ ...	41
ВОТ ПРИДЁТ ШАПИРО	46
ИЗ КОЛХОЗНОЙ ХРОНИКИ	57
КОМУ БЫТЬ ПРЕЕМНИКОМ	72
ДЕПУТАТ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА	76
КАК Я НЕ СТАЛ ПАРТОРГОМ У ПЕЛЛЕРА	83
ПОСТСКРИПТУМ	99
ЗЕМЛЯКИ ПЕЛЛЕРА В ИЗРАИЛЕ	129

Профессиональный журналист и литератор, член Союза российских писателей Михаил Ханух вышел на «еврейскую тропу» не после репатриации, стал писать о евреях не в демократическом отечестве иудеев, а в «империи зла», в лютую ту пору, когда КПСС постановила: в СССР еврейского вопроса не существует.

После трёх с половиной лет срочной службы в таёжных гарнизонах Сибири, Михаил Ханух, родившийся на Украине, в городе Славута, почти четверть века прожил на Дальнем Востоке. Работал военным коррес-

пондентом и корреспондентом ТАСС, редактором на Дальневосточной студии кинохроники, главным редактором Хабаровского краевого телевидения. Публиковал в журнале «Дальний Восток» очерки, рассказы, журнальный вариант повести «Людьми остаться». Стихи его печатались в Хабаровске и Москве. Отдельными изданиями вышли книга очерков и, с «залеченными» после цензуры ранами, повесть «Людьми остаться». Михаил Ханух автор сценариев телевизионных фильмов. На Дальнем Востоке создал он ряд документальных кинолент. В Израиле написал и издал книгу «Еврейский акцент», построенную на материале из жизни и виртуального счастья злополучной Еврейской автономной области.

Документальная повесть «Кавалер полного Банта Славы», предлагаемая читателю, также написана в Иерусалиме.

Автор жил с героем книги Владимиром Израилевичем Пеллером под одной крышей в дальневосточном селе Валдгейм, съел с ним, как говорится, не один пуд соли, дружил, спорил. И писал о нём в местную и центральную прессу, снимал его в своих фильмах.

В стремлении обогатить образ героя своих публикаций, пополнить досье новыми фактами фронтовых подвигов отважного воина-разведчика, автор повести списался с его однополчанами, обратился к военным архивам. И выяснилось, в частности, что в Сталинграде существовал не только легендарный «Дом Павлова», но и не менее известный у фронтовиков «Дом Пеллера». Многие, добытые Михаилом Ханухом факты и свидетельства, вызвали у героя повести прилив радостных и горьких чувств.